

Изощренное убийство

Автор:

Филлис Дороти Джеймс

Изощренное убийство

Филлис Дороти Джеймс

Адам Дэлглиш #2

В подвале дорогой психотерапевтической клиники обнаружен труп жестоко убитой женщины.

Многоопытный следователь Адам Дэлглиш, ведущий расследование, вскоре понимает: преступление мог совершить практически любой сотрудник клиники, за респектабельным фасадом которой скрывается лабиринт темных страстей, интриг и амбиций.

Никогда еще не приходилось Дэлглишу проигрывать схватку с преступниками. Но на сей раз убийца не уступает ему ни решительностью, ни интеллектом – и кажется, обгоняет его на шаг...

Филлис Дороти Джеймс

Изощренное убийство

Посвящается Эдварду Гордону Джеймсу

В Лондоне довольно мало автономных исследовательских центров, занимающихся проблемами психиатрии. И так как все эти медучреждения имеют общий профиль и в конечном итоге контролируются Государственной службой

здравоохранения, то вполне очевидно, что в них применяются сходные методы лечения и администрирования. Не является исключением и клиника Стина. Важно подчеркнуть, что клиника Стина – плод авторской фантазии. Она расположена в вымышленном лондонском районе. Ни один из ее пациентов или сотрудников, будь то врач или специалист, не получивший медицинского образования, не имеет ничего общего с каким-то реальным человеком. Печальные события, произошедшие в стенах клиники, обусловлены исключительно любопытным психологическим феноменом – воображением автора детективных романов.

Ф.Д. Дж.

P.D. James

A MIND TO MURDER

Перевод с английского Е.И. Филипповой

Компьютерный дизайн А.И. Орловой

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Greene and Heaton Ltd. и Andrew Nurnberg.

Глава 1

Доктор Пол Штайнер, психиатр-консультант клиники Стина, сидел на первом этаже в кабинете, окна которого выходили на главный фасад, и слушал в высшей степени рациональные умозаключения одного пациента по поводу краха его третьего брака. Мистер Бердж лежал, расслабившись на кушетке, что

позволяло ему в полном спокойствии рассуждать о собственных психических расстройствах. Доктор Штайнер сидел, почти утонув в кресле того строго определенного типа, что административно-хозяйственная комиссия предписала использовать консультантам. Кресло было функционально и не лишено изящества, но не позволяло удобно опереть на него шею. Время от времени острое покалывание в мышцах шеи заставляло доктора Штайнера очнуться от мимолетного забытья и вернуться к реальности обычного пятничного вечера в психотерапевтической клинике. Сегодня было удивительно тепло. После двух недель сильных заморозков, заставлявших сотрудников клиники дрожать и стонать от холода, официальная дата включения отопления пришлась как раз на один из тех великолепных октябрьских дней, когда городская площадь за окном наполнялась светом, а поздние георгины в огороженном садике, яркие, как на картинке, переливались пестрыми летними красками. Было почти семь часов вечера. Дневное тепло давно ушло, уступив место туману, на землю опустилась промозглая темнота. Но здесь, в стенах клиники, полуденный жар был заперт, словно в ловушке, а воздух, тяжелый и неподвижный, казалось, хранил в себе тайны бесчисленных дневных разговоров.

Мистер Бердж жалобным фальцетом излагал мудрые мысли об инфантильности, холодности и бесчувственности своих жен. Профессиональная интуиция доктора Штайнера, на которую нисколько не повлиял тот факт, что он переел за обедом и явно ошибся в выборе пирожка к пятичасовому чаю, подсказывала ему: сейчас не самое лучшее время объявлять о том, что у трех мадам Бердж был лишь один общий недостаток – у них у всех, видимо, случилось временное помутнение рассудка, когда они согласились выйти замуж за этого человека. Однако мистер Бердж пока не был готов узнать всю правду о собственной неадекватности.

Доктора Штайнера нисколько не возмущало поведение его пациента. Действительно, было бы в высшей степени неэтично позволять неподобающим мыслям влиять на объективность врачебной оценки. Однако бывали в жизни и такие моменты, которые вызывали в докторе Штайнере бурю негодования, и большинство из них самым жестоким образом нарушало его душевное спокойствие. Многие такие моменты, разумеется, были связаны с клиникой Стина и деятельностью ее администрации. В частности, он с глубочайшим неодобрением относился к заведующей административно-хозяйственной частью, мисс Бодем, которая с такой невыносимой скрупулезностью подсчитывала количество его пациентов и изучала отчеты по дорожным расходам, что ему казалось, будто он систематически подвергается преследованиям с ее стороны. Еще Штайнера страшно раздражал тот факт, что время его вечернего приема по пятницам совпадало с часами работы отделения электрошоковой терапии,

которое возглавлял доктор Джеймс Бейгли. Из-за этого пациентам психотерапевтического отделения, людям большого ума, прекрасно осознающим, насколько им повезло, что их лечит такой доктор, как Штайнер, приходилось сидеть в приемной вместе с разношерстно одетыми депрессивными домохозяйками из пригородов и малообразованными психопатами, которых, судя по всему, обожал коллекционировать Бейгли.

Доктор Штайнер отказался работать в кабинетах на четвертом этаже. Он презирал эти помещения, нарезанные при помощи перегородок из изысканных и просторных георгианских комнат, называя их мысленно отвратительными и непропорциональными клетушками, которые не соответствовали ни высоте его ученой степени, ни важности его работы. Но переносить свои приемные часы ему было бы неудобно. Поэтому Бейгли должен был перенести свои. Однако в этом вопросе доктор Бейгли оставался непреклонным, и, как подозревал доктор Штайнер, его поддерживала мисс Бодем. Заявление Штайнера о необходимости шумоизоляции кабинетов на первом этаже было отклонено административно-хозяйственной комиссией на основании того, что это слишком дорого. Зато она без лишних вопросов обеспечила новым дорогостоящим оборудованием отделение Бейгли, чтобы тот своей шокотерапией вышибал из пациентов остатки ума, которые они пока чудом сохраняли. Разумеется, этот вопрос обсуждался и лечебно-медицинской комиссией, но мисс Бодем явно дала всем понять, кому она симпатизирует больше. Произнося диатрибы против заведующей хозяйством, доктор Штайнер всегда с превеликим удовольствием забывал о том, что на лечебно-медицинскую комиссию она не имеет никакого влияния.

Однако забыть о проходящем поблизости сеансе ЭШТ было весьма сложно. Здание клиники возвели в те времена, когда строили на совесть, но даже через крепкую дубовую дверь в кабинет Штайнера доносились звуки шагов людей, снующих по коридору в пятницу вечером. Парадную дверь закрывали в шесть вечера, и все вечерние пациенты обязаны были регистрироваться при входе и выходе. Такой порядок установили с тех пор, как пять лет назад одна пациентка незаметно проскользнула в клинику, тайком пробралась в туалет на цокольном этаже и решила покончить с собой в этом не самом стерильном месте. Прием доктора Штайнера зачастую прерывался звонками в парадную дверь, топотом уходящих и приходящих людей, радостными возгласами родственников или сопровождающих, которые либо внушали что-то пациентам, либо прощались со старшей сестрой Эмброуз. Доктор Штайнер всегда недоумевал, почему родственники орут на пациентов так, как будто те не только психически больны, но и страдают глухотой. Хотя, возможно, после сеанса электрошокотерапии у

Бейгли они и правда теряли слух.

Хуже всех была уборщица – миссис Шортхаус. Многие могли бы подумать, что Эми Шортхаус проводит уборку по утрам, как принято в большинстве медицинских учреждений. Так она доставляла бы минимум беспокойства остальному персоналу клиники. Однако миссис Шортхаус настояла на том, что не успевает справляться с работой, если не трудится еще два часа вечером, с чем мисс Болем не могла не согласиться. Еще бы! Тем не менее доктору Штайнеру казалось, что по вечерам в пятницу практически никакой уборки не происходит. Миссис Шортхаус питала теплые чувства к пациентам ЭШТ – естественно, ведь когда-то ее муж и сам лечился у доктора Бейгли, – так что обычно во время приема можно было увидеть, как она слоняется без дела по приемной и общему кабинету на первом этаже. Доктор Штайнер не раз говорил об этом на заседании лечебно-медицинской комиссии, и полное отсутствие интереса к этому вопросу со стороны коллег жутко его раздражало. Миссис Шортхаус следует заставлять заниматься работой, а не позволять ей бездельничать, сплетничая с пациентами. Однако мисс Болем, будучи чрезмерно строгой с другими сотрудниками, не считала нужным одергивать миссис Шортхаус. Все знали, что хорошую уборщицу найти непросто, но заведующий административно-хозяйственной частью, который знает свое дело, смог бы изыскать такую возможность. А слабость и попустительство ничего не решали. Бейгли невозможно было уговорить пожаловаться на миссис Шортхаус, а Болем никогда не стала бы критиковать Бейгли. Вероятно, бедная женщина была влюблена в него. Бейгли должен был бы предпринять решительные действия, а не шататься празднично по клинике в несуразно длинном белом халате, который делал его похожим на второсортного дантиста. У этого человека не было ни малейшего понятия о том, с каким достоинством должен держаться практикующий врач.

Тяжело, очень тяжело, кто-то протопал по коридору в ботинках. Вероятно, это был старый Типпет, пациент Бейгли, хронический шизофреник, который в течение последних девяти лет регулярно проводил пятничные вечера за резьбой по дереву в отделении, где больные занимались творчеством. Мысль о Типпете еще больше усилила раздражение доктора Штайнера. Этому человеку совершенно нечего было делать в клинике Стина. Если даже он чувствовал себя достаточно хорошо и не нуждался в стационарном лечении, в чем доктор Штайнер сильно сомневался, то ему следовало посещать поликлинику или одну из мастерских под патронажем Совета графства. Именно такие пациенты, как Типпет, приносили клинике дурную славу и вводили всех в заблуждение относительно ее истинного предназначения как аналитического центра

психотерапии. Доктор Штайнер был глубоко потрясен, когда один из его тщательно отобранных пациентов как-то вечером пятницы столкнулся с Типпетом, крадущимся по коридору. Более того, Типпет был небезопасен для общества. В любой момент мог произойти какой-нибудь инцидент, и тогда Бейгли оказался бы в крайне неприятной ситуации.

Возникший в голове доктора Штайнера образ его коллеги в крайне неприятной ситуации лопнул как мыльный пузырь, когда раздался звонок в парадную дверь. Нет, это было просто невозможно! Очевидно, пришел водитель машины «скорой помощи», чтобы забрать пациента. Миссис Шортхаус направилась к двери, чтобы быстрее выпроводить непрошенных гостей. Ее жуткий хрипловатый голос разнесся эхом по всему коридору:

– Привет, ребятки. Увидимся на следующей неделе. Если уж не хотите хорошо себя вести, то по крайней мере будьте осторожны.

Доктор Штайнер поморщился и закрыл глаза. Но его пациент, радостно отдавшийся любимому занятию – произнесению монолога о самом себе, казалось, ничего не слышал. Мистер Бердж вот уже двадцать минут продолжал жалобно ныть на той же высокой ноте:

– Я и не изображаю человека, с которым легко ладить. Я не такой, я парень сложный. Именно этого Тида и Сильвия так и не поняли. Разумеется, корни этой проблемы уходят намного глубже. Помните нашу беседу в июне? Тогда, я думал, выяснились кое-какие основные моменты.

Лечащий врач не мог вспомнить тот разговор, да и не ставил перед собой такой задачи. С мистером Берджем основные моменты неизменно покоились где-то на поверхности и вполне могли всплыть сами собой. Воцарилась странная тишина. Доктор Штайнер машинально черкнул что-то у себя в блокноте, затем изучил каракули с неподдельным интересом и беспокойством, посмотрел на них снова, перевернув блокнот, и на мгновение сосредоточился на собственном подсознании, а не на подсознании своего пациента. Внезапно он уловил какой-то шум, доносящийся извне, сначала слабый, а затем все более и более громкий. Где-то пронзительно кричала женщина. Это был ужасный звук, высокий, непрерывный и совершенно животный. Он оказал на доктора Штайнера поразительно неприятный эффект. По природе своей врач был робок и

чувствителен. И хотя по долгу службы ему изредка приходилось переживать эмоциональные кризисы, он гораздо искуснее умел действовать хитростью и обманом, чем справляться с непредвиденными ситуациями. Страх заставил Штайнера выплеснуть раздражение, он вскочил с кресла, воскликнув:

– Нет! Действительно, это уже никуда не годится! Куда смотрит мисс Болем! Разве никто не должен следить за тем, что здесь происходит?

– Что случилось? – осведомился мистер Бердж, мгновенно сев на кушетке, как кукла-попрыгунчик. Его голос понизился на пол-октавы и стал звучать почти как обычно.

– Ничего. Ничего. У какой-то женщины начался истерический припадок. Оставайтесь на месте. Я сейчас вернусь, – приказал доктор Штайнер.

Мистер Бердж вновь рухнул на кушетку, на этот раз, однако, устремив взгляд на дверь. Доктор Штайнер вышел в коридор.

Все, кто собрался там, обернулись, чтобы посмотреть на него. Дженнифер Придди, младшая машинистка, вцепилась в одного из дежурных при входе, Питера Нейгла, который озадаченно и в то же время сочувственно поглаживал ее по плечу. На его лице застыло выражение недоумения. С ними была и миссис Шортхаус. Крики Дженнифер постепенно переходили во всхлипывания, все ее тело продолжали сотрясать судороги, а кожа оставалась мертвенно-бледной.

– В чем дело? – резко спросил доктор Штайнер. – Что с ней?

Прежде чем кто-то успел ответить, дверь кабинета ЭШТ открылась и оттуда вышел доктор Бейгли, за ним последовала старшая сестра Эмброуз и анестезиолог доктор Мэри Ингрэм. Внезапно создалось впечатление, будто в коридоре полно людей.

– Без паники, вы все же наша сотрудница, – мягко сказал доктор Бейгли. – Мы здесь пытаемся вести прием. – Он тихо обратился к Питеру Нейглу: – Так что, собственно говоря, случилось?

Нейгл, казалось, собрался ответить, но тут мисс Придди взяла себя в руки. Она опустила руки, повернулась к доктору Бейгли и абсолютно четко произнесла:

– Мисс Бодем. Она мертва. Кто-то лишил ее жизни. Она в архиве в полуподвале, и ее убили. Я нашла ее! Энид убили!

Машинистка снова вцепилась в Нейгла и начала плакать, но теперь тише, чем раньше. Страшные судороги прекратились. Доктор Бейгли сказал дежурному:

– Отведите ее в кабинет. Пусть приляжет. А лучше дайте ей что-нибудь выпить. Вот ключ. Я скоро вернусь.

Бейгли поспешил к лестнице, ведущей в полуподвальный этаж, и все остальные, оставив девушку на попечение Нейгла, последовали за доктором. На полуподвальном этаже клиники было хорошее освещение; все помещения постоянно использовались: места, как и в большинстве психиатрических лечебниц, тут хронически не хватало. Под лестницей, помимо котельной, помещения для телефонной аппаратуры и комнаты отдыха дежурных, располагались также отделение творческой терапии, архив и, ближе к фасаду здания, кабинет, где проводили лечение лизергиновой кислотой[1 - Лизергиновая кислота – органическая кислота, производным которой является ЛСД, обладает сильным галлюциногенным действием, применяется при лечении некоторых психических заболеваний, после Второй мировой войны повсеместно использовалась в Европе в качестве лекарственного средства. – Здесь и далее примеч. пер.]. Когда небольшая группка спустилась по лестнице, дверь этого кабинета открылась и оттуда выглянула сестра Бодем, кузина мисс Бодем, – призрачное видение в белом халате, выделявшемся в темноте помещения. Все услышали ее нежный голос с нотками удивления:

– Что-то произошло? Мне показалось, я уловила крики пару минут назад.

Старшая сестра Эмброуз бесцеремонно оборвала ее, демонстрируя свой авторитет:

– Ничего не произошло, сестра. Вернитесь к пациенту.

Призрачный силуэт исчез, и дверь захлопнулась. Повернувшись к миссис Шортхаус, старшая сестра Эмброуз продолжила:

– Вам тоже нечего здесь делать, миссис Шортхаус. Пожалуйста, идите наверх. Возможно, мисс Придди захочется выпить чаю.

Миссис Шортхаус что-то недовольно проворчала, но была вынуждена подчиниться, хотя и с большой неохотой. Три доктора, сопровождаемые старшей медсестрой, продолжили путь.

Архив находился справа от них, между комнатой отдыха дежурных и отделением творческой терапии. Дверь архива была распахнута, в помещении горел свет.

Доктор Штайнер, который с преувеличенным вниманием фиксировал каждую мельчайшую деталь, заметил, что ключ находится в замке. Никого поблизости не было. Стальные стеллажи, битком набитые папками из манильской бумаги, возвышались до потолка. По отношению к двери они располагались под прямым углом, между ними – узкие проходы, каждый освещали флуоресцентные лампы. Четыре высоких окна защищались решетками и частично загораживались стеллажами. Это было маленькое душное помещение, тут редко кто-то появлялся и столь же редко вытиралась пыль. Небольшая компания пробралась по первому проходу и повернула налево, в маленький закуток без окон, где не было полок, а лишь стояли стол и стул. Здесь можно было сортировать документы для их дальнейшей архивации или переписывать информацию, чтобы избежать необходимости выносить папки отсюда. В закутке царил полный хаос: стул перевернут, пол усеян документами. У одних папок были оторваны обложки и повреждены страницы, другие валялись на полу, прямо под полками, где теперь зияли пустоты. Полки казались слишком узкими, чтобы выдержать такую массу бумаги. И посреди всего этого беспорядка, словно грузная и карикатурная Офелия, плывущая на бумажных волнах, покоилась Энид Бодем. У нее на груди лежала какая-то тяжелая и странная фигура, вырезанная из дерева, а руки были сложены у основания этой фигуры, будто Энид воплощала собой страшную пародию на женщину-мать, прижавшую к сердцу свое чадо.

Не возникало никаких сомнений в том, что она мертва. Даже переполняемый страхом и отвращением, доктор Штайнер не мог ошибиться, вынося окончательный диагноз. Уставившись на деревянную фигуру, он закричал:

– Типпет! Это идол его работы! Вот она, его резьба по дереву, которой он так гордится. Где он? Бейгли, это ваш пациент! Лучше бы вам этим заняться!

Он, словно ожидая, что Типпет вот-вот появится, нервно озирался вокруг и даже поднял руку вверх, словно для точного удара.

Доктор Бейгли опустился рядом с телом на колени. Он тихо сказал:

- Типпета нет здесь сегодня вечером.

- Но он всегда бывает в клинике вечером в пятницу! Этот идол – фетиш! Это и есть орудие убийства! – Доктор Штайнер просто не мог сдержать возмущения бестолковостью своего коллеги.

Доктор Бейгли осторожно приподнял левое веко мисс Бодем большим пальцем. Не поднимая головы, он ответил:

- Сегодня утром нам позвонили из больницы Святого Луки. У Типпета обнаружили пневмонию. В прошлый понедельник, как мне кажется. Как бы там ни было, сегодня вечером его здесь нет. – В следующий миг он воскликнул от изумления.

Две женщины, находившиеся рядом, тоже склонились над телом. Доктор Штайнер, который не мог заставить себя наблюдать за осмотром покойной, услышал, как Бейгли сказал:

- Ее еще и закололи. Орудием убийства послужила стамеска с черной ручкой. Острие прошло прямо через сердце, насколько я могу судить. Разве это не инструмент Нейгла, старшая сестра?

Последовала пауза, затем доктор Штайнер услышал голос сестры:

- Весьма похоже на то, доктор. У него все инструменты с черными ручками. Он хранит их в комнате отдыха дежурных. – Словно защищаясь, она добавила: – Кто угодно мог взять их.

- Видимо, кто-то действительно взял. – По донесшемуся звуку стало понятно, что доктор Бейгли поднялся на ноги. Не отводя взгляда от тела, он спросил: – Не могли бы вы позвонить Калли на вахту, сестра? Не тревожьте его, просто скажите, что никого нельзя ни впускать в здание, ни выпускать из него. Это

касается и пациентов. Затем разыщите доктора Этриджа и попросите спуститься сюда. Полагаю, он сейчас в своем кабинете.

– Разве мы не должны вызвать полицию? – взволнованно заговорила доктор Ингрэм, и ее розовое лицо, странным образом напоминавшее мордочку ангорского кролика, залилось румянцем. Многие были склонны не замечать присутствия доктора Ингрэм, причем не только в самые трагические и напряженные моменты. Вот и сейчас доктор Бейгли посмотрел на нее пустым взглядом, словно на мгновение забыл о ее существовании.

– Подождем главного врача, – сказал он.

Старшая сестра Эмброуз удалилась, шурша накрахмаленным халатом. Ближайший телефон находился прямо за порогом архива, но, окруженный целыми стенами бумаг от посторонних шумов, доктор Штайнер не смог услышать, как сестра подняла трубку или сказала что-то по телефону, как ни старался. Он заставил себя еще раз взглянуть на тело мисс Болем. Она всегда казалась ему непривлекательной и напрочь лишенной изящества, и смерть не облагородила ее черты. Она лежала на спине, ее колени были согнуты и раздвинуты, так что всем были видны шерстяные розовые панталоны, имевшие еще более неприличный вид, чем обнаженные участки тела. Ее круглое грубое лицо выглядело вполне умиротворенным. Волосы из двух толстых кос, которые она укладывала надо лбом, нисколько не выбились. Впрочем, как известно, никому и ничему никогда не удавалось испортить старомодную прическу мисс Болем.

Доктору Штайнеру вспомнилась его тайная мысль, что толстые безжизненные волосы выделяют особый секрет, благодаря которому вечно и неизменно удерживаются на голове этой женщины. Глядя на мисс Болем в беззащитном унижении, которому подвергла ее смерть, доктор Штайнер пытался заставить себя проявить к ней сострадание, но понимал, что испытывает скорее страх. Страх и... отвращение. Было просто невозможно испытывать сочувствие к чему-то столь нелепому, столь гадкому, столь непристойному. Нехорошее слово само собой всплыло на поверхность водоворота его мыслей. Непристойность! Его охватил нелепый порыв одернуть ей юбку, закрыть чем-нибудь жалкое одутловатое лицо, поправить очки, которые сползли у нее с носа и теперь криво свисали с левого уха, зацепившись за него дужкой. Глаза мисс Болем были полуоткрыты, а губы поджаты, словно в знак неодобрения такого недостойного и незаслуженного конца. Нельзя сказать, что для доктора Штайнера такое

выражение ее лица было внове: напротив, он уже имел счастье наблюдать его при жизни мисс Бодем. Он подумал: «Она выглядит так, как будто собирается устроить мне допрос по поводу отчетов по дорожным расходам».

Внезапно он ощутил острую потребность рассмеяться. Смех накатывал на него неудержимыми волнами. Он знал, что это ужасное желание лишь следствие нервного напряжения и шока, но никак не мог взять свои эмоции под контроль. Доктор Штайнер беспомощно обернулся на коллег и изо всех сил старался сохранить самообладание, ухватившись за полку для документов и прижавшись лбом к холодному металлу. Его рот и ноздри сдавил затхлый запах старых папок.

Он не заметил, как вернулась старшая сестра Эмброуз, но услышал ее голос:

– Доктор Этридж идет сюда. На вахте дежурит Калли, и я сказала ему, что никого нельзя выпускать. Ваш пациент поднял большой шум, доктор Штайнер.

– Вероятно, мне лучше вернуться к нему. Столкнувшись с необходимостью принять решение, доктор Штайнер обрел самообладание. Он чувствовал, что так или иначе важно остаться с остальными и присутствовать при появлении доктора Этриджа, что было бы благоразумно удостовериться: ничего существенного не говорилось и не делалось без его ведома. Однако у него не было никакого желания находиться рядом с телом. В помещении архива, освещенном ярко, словно операционная, тесном и перегретом отоплением, он чувствовал себя зверем в капкане. Тяжелые, плотно стоящие стеллажи, казалось, давили на него, вынуждая вновь и вновь опускать взгляд на тучную фигуру, лежащую на бумажных похоронных дрогах.

– Я останусь здесь, – решил он. – Мистер Бердж должен подождать, как и все остальные.

Они безмолвно стояли вместе. Доктор Штайнер видел, что старшая сестра Эмброуз, сильно побледневшая, но не проявлявшая никаких других признаков волнения, небрежно сложила руки на фартуке. Вероятно, именно так она простояла несметное количество часов за свои почти сорок лет работы медицинской сестрой, с должным почтением ожидая у постели больного распоряжений доктора. Доктор Бейгли достал сигареты, на мгновение остановил взгляд на пачке, словно удивившись, как она очутилась у него в руке, и убрал ее в карман. Доктор Ингрэм, казалось, плакала молча. Один раз доктору

Штайнеру почудилось, будто он слышал ее бормотание: «Бедная женщина. Бедная женщина!»

Вскоре до них донесся звук шагов, и в комнату вошел главврач в сопровождении старшего психолога Фредерики Саксон. Доктор Этридж опустился на колени около тела. Он не прикасался к трупу, но наклонился к лицу мисс Бодем так низко, как будто собирался поцеловать ее. От маленьких зорких глаз доктора Штайнера не ускользнул взгляд, которым одарила мисс Саксон доктора Бейгли, их инстинктивное движение навстречу друг другу и быстрый рывок в противоположном направлении.

- Что случилось? - прошептала мисс Саксон. - Она мертва?

- Да. Очевидно, ее убили, - ответил Бейгли уныло. Неожиданно мисс Саксон сделала какой-то пасс.

Доктору Штайнеру даже показалось, что она собирается перекреститься.

- Чьих это рук дело? Ведь не бедного старого Типпета? Это его фигурка, определено.

- Да, но его здесь нет. Он в больнице Святого Луки, лечится от пневмонии.

- О Боже! Кто же тогда? - Мисс Саксон приблизилась к доктору Бейгли и больше от него не отходила.

Доктор Этридж с трудом поднялся на ноги.

- Она действительно мертва. Вероятно, сначала ее оглушили, а потом закололи ударом в сердце. Я пойду наверх, позвоню в полицию и извещу о случившемся весь персонал. Лучше собрать всех в одном месте. Затем нам троим следует обыскать здание. Разумеется, ни к чему нельзя прикасаться.

Доктор Штайнер не смел смотреть доктору Бейгли в глаза. Доктор Этридж в роли рассудительного и авторитетного администратора всегда казался Штайнеру немного нелепым. Он подозревал, что Бейгли думает так же.

Послышались еще чьи-то шаги, старший социальный работник, мисс Рут Кеттл, появилась из-за стеллажей, вглядываясь во всех присутствующих близорукими глазами.

– Ах, вот вы где, главный врач, – произнесла мисс Кеттл свистящим, как флейта, и усталым голосом. (Она была единственной из всех сотрудников, подумал доктор Штайнер, кто обращался к доктору Этриджу так, и один Бог знает почему. Из-за этого создавалось впечатление, будто они работают в обычной клинике.) – Калли сказал, что вы здесь, внизу. Надеюсь, вы не заняты? Я ужасно расстроена, не хочу доставлять вам беспокойство, но дело совсем плохо! Мисс Бодем назначила мне нового пациента на десять утра в понедельник. Я только что обнаружила в своем журнале соответствующую запись. Конечно, она не потрудились посоветоваться со мной. Она же знает, что в это время я всегда занимаюсь семьей Уоррикер. Боюсь, она сделала это намеренно. Знаете, главный врач, кто-то должен взяться за мисс Бодем.

Доктор Бейгли, стоявший в стороне, угрюмо сказал: – Кто-то уже взялся.

В это же время на противоположной стороне площади Адам Дэлглиш, следователь из Скотленд-Ярда, наслаждался традиционным осенним приемом с подачей хереса и других напитков, который устраивали его издатели и который на сей раз совпал с третьим переизданием первой книги его стихов. Он не питал иллюзий по поводу собственного таланта или успеха сборника. Стихи, в которых нашел отражение его независимый, ироничный и в основе своей неугомонный дух, как оказалось, пришлись по нраву публике. Дэлглиш не верил, что больше чем полдюжины людей пережили те же переживания, что и он. Между тем он обнаружил, что его выбросило на отмель неведомого моря, в котором агенты, авторские гонорары и рецензии превращаются в забавные источники опасности. А теперь еще и этот прием. Дэлглиш думал о нем без особого восторга, как о мероприятии, которое просто нужно выдержать, но прием оказался на удивление приятным. Господа Герн и Иллингуорт просто не могли подавать плохой херес, равно как и печатать плохие книги. По оценкам Дэлглиша, прибыль издателей от публикации его книги пропили за первые десять минут. За это время старый сэр Хуберт Иллингуорт успел быстро появиться, с печальным видом пожать Дэлглишу руку и удалиться шаркающей походкой, бормоча что-то, словно сетуя: вот еще один писатель обрек себя и своего издателя на сомнительные радости успеха. Для него все писатели были как не по годам развитые дети, существа, которых надо терпеть и вдохновлять, но не

слишком волновать, чтобы они не расплакались прежде, чем наступит время ложиться спать.

Имели место и менее приятные моменты, чем краткое появление сэра Хуберта. Мало кто из гостей знал, что Дэлглиш следователь, и далеко не все ожидали, что он будет рассказывать о своей профессиональной деятельности. Однако неизбежно находились люди, считавшие, что человеку, который ловит убийц, негоже писать стихи, и высказывавшие свое мнение вслух, кто более, а кто менее тактично. Предположительно они хотели, чтобы убийцы были пойманы, как бы жарко ни спорили о том, что должно произойти с преступниками впоследствии; но к тем, кто фактически занимался поимкой злоумышленников, они демонстрировали на удивление противоречивое отношение. Дэлглиш к этому привык, и такая позиция оскорбляла его гораздо меньше, чем распространенное убеждение, будто в причастности к сообществу убийц есть особое очарование. Но если каждый такой праздник и сопровождался в определенной степени проявлением тайного любопытства и бессмысленными толками, то попадались так же и приятные люди, ведущие приятные разговоры. Ни один писатель, как бы беспристрастно он ни относился к своему таланту, не может слегка не ободриться, услышав похвалу. И Дэлглиш, борясь с подозрением, что мало кто из поклонников на самом деле читал его книги и тем более покупал их, обнаружил, что получает некоторое удовольствие от происходящего, и отдавал себе полный отчет почему.

Первый час приема был суматошным, но вскоре, после семи вечера, Дэлглиш оказался один с бокалом в руке у затейливой каминной полки в стиле Джеймса Уайата[2 - Джеймс Уайат - английский архитектор XVIII - нач. XIX в., создававший творения в неоготическом стиле.]. В камине горели тонкие поленья, наполняя комнату слабым запахом, напоминавшим о пригороде. Это был один из тех непостижимых моментов, когда человек вдруг начинает чувствовать, будто он совершенно один посреди толпы, когда шум словно затихает, а толкающие друг друга люди постепенно отодвигаются на второй план и становятся расплывчатыми и загадочными, как актеры на далекой сцене. Дэлглиш оперся на каминную полку затылком, наслаждаясь кратковременным уединением и, как истинный ценитель, созерцая гармонично спланированный архитектором зал. Вдруг он заметил Дебору Рискоу. Должно быть, она вошла очень тихо. Ему стало интересно, как долго она пробыла тут. И тут же его мимолетное ощущение счастья и умиротворенности сменилось желанием, таким тягостным и сильным, какое испытывает впервые в жизни влюбившийся мальчишка. Дебора тут же заметила Адама и с бокалом в руке направилась к нему.

Ее появление не было полной неожиданностью, но Дэлглиш предпочел не обманываться, убеждая себя, что она здесь ради него. После их последней встречи едва ли такое было возможно.

Он сказал:

– Рад видеть вас здесь.

– Мне в любом случае следовало прийти, – ответила она. – Но вообще-то я здесь работаю, Феликс Герн нанял меня после того, как умерла мама. Чем я только не занимаюсь в издательстве. Тружусь как пчелка. Стенографирую и печатаю. Я этому училась.

Адам улыбнулся:

– Вы говорите так, как будто все это стало для вас своего рода панацеей.

– Что ж, в какой-то степени это действительно так. Он не стал притворяться, будто не понимает, о чем она говорит. Они замолчали. Дэлглиш крайне болезненно реагировал на любые упоминания о деле, которое почти три года назад привело к их первой встрече. Эта рана саднила даже при легчайшем прикосновении. Он видел некролог о смерти матери Деборы в газете около полугода назад, но счел недопустимым и дерзким отправить ей письмо или произнести традиционные слова соболезнования. В конце концов, он был отчасти виноват в этой смерти. И сейчас ему было нисколько не легче. Они поговорили о его стихах и о ее работе. Поддерживая формальный, ни к чему не обязывающий светский разговор, Дэлглиш задался вопросом, что сказала бы Дебора, пригласи он ее на ужин. Если бы она резко не отвергла его предложение в ту же секунду – а она скорее всего поступила бы именно так, – это могло бы поставить его в затруднительное положение. Он не обманывал себя: единственное, чего он хотел, – это разделить ужин с женщиной, которую находил красивой. Он понятия не имел, что она думает о нем, но знал, что со времени их последней встречи балансирует на краю обрыва любви. Если бы Дебора дала согласие – на этот или любой другой вечер, – то нависла бы угроза над его отшельнической жизнью. Он знал это наверняка, и само это знание страшно его пугало. После смерти жены при родах Дэлглиш предусмотрительно отгородился от всякой боли; секс стал для него не более чем упражнением, чтобы не потерять сноровку; любовный роман – лишь эмоциональной паваной,

церемониальной, танцуемой по всем правилам, не требующей никаких жертв. Но конечно, Дебора не согласится. У него не было абсолютно никаких причин сделать заключение, что он ее хоть сколько-нибудь интересует. Однако необъяснимая и непоколебимая уверенность в этом придавала ему смелости и позволяла потакать своим желаниям. Соблазн испытать удачу был велик. Адам шел вместе с Деборой по залу и мысленно репетировал свою речь, изумляясь тому, что через столько лет его посетило давно забытое ощущение неопределенности, испытанное лишь в годы юности.

Кто-то легко прикоснулся к плечу Дэлглиша, застав его врасплох. Это оказалась секретарь председателя, которая хотела сообщить, что Адаму позвонили.

– Это из Скотленд-Ярда, мистер Дэлглиш, – сказала она, тщетно пытаясь скрыть интерес и делая вид, что звонки из Скотленд-Ярда – обычное дело для авторов Герна и Иллингворта.

Дэлглиш, улыбаясь, извинился перед Деборой Рискоу, она лишь пожала плечами.

– Я вернусь в считанные секунды, – пообещал он, но, пробираясь сквозь толпы беседующих гостей, он уже знал, что не вернется.

Дэлглиш взял трубку в маленьком кабинете рядом с залом заседаний, протиснувшись к телефону через ряды стульев с наваленными на них рукописями, скрученными в свитки гранками и пыльными бумагами. Герт и Иллингворт явно взлелеяли здесь образ старомодной неторопливости и всеобщей неразберихи, за которым скрывалась – в некоторых случаях к великому прискорбию авторов этих издателей – непреодолимая жажда продуктивной работы и тщательное внимание к мелочам.

В трубке громогласно прозвучал знакомый голос:

– Это вы, Адам? Ну как прием? Хорошо. Мне жаль отрывать вас, но я был бы очень признателен если бы вы заглянули кое-куда по пути домой. Я говорю о клинике Стина, дом 31. Вы знаете, что это за место. Там лечат исключительно невротиков из высшего общества. Похоже, их секретаря, или завхоза, или бог знает кого еще убили. Ударили по голове на цокольном этаже, а потом закололи острым предметом, причем прямо в сердце. Ребята уже направились туда. Разумеется, я послал туда и Мартина в помощь вам. У него будет с собой все, что

необходимо.

– Спасибо, сэр. Когда об этом сообщили?

– Три минуты назад. Позвонил главный врач. Он кратко упомянул об алиби практически всех сотрудников, учитывая предполагаемое время смерти, и объяснил, почему убийцей не может быть один из пациентов. Затем высказался некий доктор по фамилии Штайнер. Он сообщил, что мы встречались лет пять назад на торжественном ужине, устроенном его покойным шурином. Доктор Штайнер объяснил, почему злоумышленником не может быть он, и соблаговолил поделиться со мной своим видением психологического портрета убийцы. Эти доктора, похоже, прочитали все лучшие детективные романы. Никто не прикасался к трупу, они никого не выпускают из здания и не впускают туда, и все собрались в одном помещении, чтобы не спускать друг с друга глаз. Вам лучше поспешить, Адам, а то они распутают это преступление до вашего приезда.

– Кто там главный врач? – спросил Дэлглиш.

– Доктор Генри Этридж. Должно быть, вы видели его по телевизору. Он известный психиатр, посвятивший жизнь тому, чтобы поднять престиж своей профессии. Всегда безупречно выглядит, честен и серьезен.

– Я видел его в суде, – заметил Дэлглиш.

– Конечно. Помните дело Рутледжа? Он практически добился того, чтобы я зарыдал горячими слезами в свой носовой платок, а я ведь знал Рутледжа лучше всех. Этридж – идеальный свидетель для любого адвоката со стороны защиты, если только тому удастся заманить его в суд. Вы знаете, какие эти доктора – нытики. Попробуйте найдите мне психиатра, который имеет респектабельный вид, говорит по-английски и не приводит в шок присяжных или не настроит против себя судью. Ответ прост – это Этридж. А, ну ладно, удачи вам!

Со стороны помощника комиссара[3 - Помощник комиссара – третья по важности должность в Скотленд-Ярде после комиссара и заместителя комиссара.] было несколько самонадеянно полагать, что его звонок может прервать прием. Празднество давно перешло в ту стадию, когда отъезд одного гостя уже никого

не смутит. Дэлглиш поблагодарил хозяина, попрощался с несколькими людьми, попавшимися ему на глаза, и выскользнул из здания. Он больше не видел Дебору Рискоу, да и не пытался ее искать. Он уже полностью сосредоточился на предстоящем деле, радуясь, что спасся в лучшем случае от выслушивания грубостей, а в худшем – от совершения безрассудного поступка. Это была короткая, мучительная, незаконченная и волнующая случайная встреча, но теперь она осталась в прошлом.

Двигаясь через площадь по направлению к высокому зданию в георгианском стиле, где располагалась клиника Стина, Дэлглиш перебирал в памяти все скудные сведения об этом учреждении, которыми располагал. Все знали: нужно обладать исключительно здоровой психикой, чтобы тебя приняли на лечение в эту клинику. Само собой, это заведение – возможно, совсем незаслуженно, подумал Дэлглиш, – прославилось тем, что при отборе пациентов руководствовалось скорее их уровнем интеллектуального развития и принадлежностью к определенной социальной прослойке, чем состоянием психики, и подвергало людей диагностическим процедурам, призванным отпугнуть всех, кроме неисправимых энтузиастов, а потом вносило их в очередной список на лечение, длинный настолько, чтобы время оказало на будущего пациента максимальный лечебный эффект, до того как он попадет на первый прием к психотерапевту. В клинике Стина, насколько помнил Дэлглиш, была одна картина Модильяни. Это была малоизвестная картина, к тому же она не отражала в полной мере мастерство художника. Картину, висевшую в зале заседаний на первом этаже, подарил клинике бывший пациент. Она олицетворяла собой многое из того, с чем ассоциировалась клиника в глазах обывателей. В других клиниках Государственной службы здравоохранения стены украшали репродукциями из коллекции картин Красного Креста. В клинике не скрывали, что предпочитают второсортный оригинал первоклассной репродукции, и с гордостью демонстрировали такой оригинал в подтверждение своей позиции.

Сам дом ничем не выделялся в ряду однотипных георгианских зданий, стоящих вдоль улицы. Он находился в южном углу площади, уютный, скромный и эстетичный во всех отношениях. Позади него проходила маленькая улочка, упиравшаяся в конюшни[4 - Имеются в виду «конюшенные дома», где прежде располагались настоящие конюшни. Раньше в Лондоне в центре кварталов, где жили богатые люди, располагались дома владельцев, а поодаль конюшни и подсобные помещения, где проживали слуги и лакеи. К началу XX века конюшни потеряли свое первоначальное предназначение, многие из них были переделаны в жилые дома и даже стали элитным жильем, так как располагались в

фешенебельных районах.] Линкольн-сквер. Взгляду Дэлглиша представилась лестница с ограждением; по обе стороны широких ступеней изгибались перила, которые вели к двери и поддерживали две опоры из кованого железа для уличных светильников. Справа от двери размещалась скромная бронзовая табличка с надписью «Комитет по управлению лечебными учреждениями» – именно этот орган, курировал заведение, – ниже следовали слова «Клиника Стина». Никакой другой информации не было. Клиника не желала сообщать о своем предназначении вульгарному обществу и уж тем более собирать толпы психически больных, жаждущих вылечиться и получить какую-то поддержку. Неподалеку были припаркованы четыре машины, но никаких признаков присутствия полиции пока не наблюдалось. Казалось, в доме очень тихо. Дверь была закрыта, но мягкий свет струился из изящного веерного окна в стиле Адама[5 - Роберт Адам – английский архитектор. Крупнейший представитель английского классицизма XVIII в.] над дверью и пробивался меж складок задернутых занавесок в окнах комнат на первом этаже.

Дверь открыли, едва Дэлглиш позвонил. В клинике его ждали. Коренастый человек в форме дежурного открыл дверь и пустил его в помещение, не сказав ни слова. Холл был залит ярким светом и казался удивительно теплым после холодного осеннего вечера. Слева от входа за стеклянной перегородкой располагалась стойка дежурных с телефонным коммутатором. Второй дежурный, который был намного старше первого, сидел возле коммутатора с выражением истинного страдания на лице. Он огляделся вокруг, на мгновение остановил на Дэлглише свои слезящиеся глаза и вновь вернулся к созерцанию аппаратуры, будто приход следователя сделал еще тяжелее его неподъемное бремя, которое, если его не замечать, могло бы свалиться с его плеч само собой. В холле появилось руководство, главный врач поспешил навстречу Дэлглишу с вытянутой рукой, словно желал поприветствовать гостя.

– Суперинтендант Дэлглиш? Мы очень рады видеть вас. Позвольте представить вам моего коллегу, доктора Джеймса Бейгли, и секретаря Комитета по управлению лечебными учреждениями мистера Лодера.

– Вы очень быстро сюда добрались, сэр, – заметил Дэлглиш, обращаясь к Лодеру.

Секретарь ответил:

– Я узнал об убийстве, только когда приехал, минуты две назад. Мисс Бодем позвонила мне в обед и сказала, что хочет срочно со мной встретиться. Что-то

странное, по ее словам, происходило в клинике, и ей нужен был мой совет. Я приехал, как только смог, и узнал, что ее убили. При таких обстоятельствах я посчитал, что будет целесообразно остаться здесь. Похоже, мой совет был ей нужен гораздо больше, чем она думала.

– Как бы там ни было, боюсь, вы приехали слишком поздно, – произнес доктор Этридж.

Дэлглиш увидел, что Этридж намного ниже, чем казался, когда выступал по телевизору. Большая куполообразная голова под ореолом белых волос, тонких и мягких, как у ребенка, представлялась слишком массивной по сравнению с тщедушной фигурой, словно постаревшей раньше, что придавало Этриджу несколько дисгармоничный вид. Было трудно определить, сколько ему лет, но Дэлглиш думал, что главному врачу скорее семьдесят, чем шестьдесят пять, – обычный возраст выхода на пенсию для врачей-консультантов. У Этриджа было лицо крепкого садового гнома: щеки в пятнах румянца, словно нанесенного краской, подвижные изогнутые брови над пронзительно голубыми глазами. Дэлглиш чувствовал, что эти глаза и мягкий уверенный голос играют отнюдь не последнюю роль в облике и манере главного врача общаться с коллегами и пациентами.

Доктор Бейгли, напротив, был почти такой же высокий, как Дэлглиш, и первое, что можно было отметить, – его невероятная усталость. На нем был длинный белый халат, который свободно облегал его сутулые плечи. Хотя Бейгли был намного моложе главного врача, в нем не было ни капли живости последнего. Прямые волосы уже тронула стальная седина. Время от времени он смахивал пряди с лица длинными пальцами, пожелтевшими от никотина. Лицо Бейгли было худым и довольно привлекательным, но кожа и глаза потускнели, будто на них наложила отпечаток его постоянная усталость.

Главный врач предположил, обращаясь к Дэлглишу:

– Вы, конечно, захотите осмотреть тело прямо сейчас. Я попрошу Питера Нейгла, нашего второго дежурного, спуститься с нами, если не возражаете. Его стамеска послужила одним из орудий убийства. Не то чтобы он имел к этому отношение, бедняга... Но вы, несомненно, сочтете необходимым задать ему пару вопросов.

– Я считаю необходимым допросить всех и каждого, когда придет время, – ответил Дэлглиш.

Было очевидно, что главный врач взял инициативу на себя. Доктора Бейгли, который до сих пор не проронил ни слова, похоже, устраивала такая расстановка сил. Лодер, судя по всему, решил занять наблюдательную позицию. Когда они двигались к лестнице, что находилась в конце коридора и вела в цокольный этаж, глаза Дэлглиша и Лодера на мгновение встретились. По столь быстрому взгляду было трудно о чем-либо судить, но Дэлглишу показалось, что он заметил в глазах Лодера проблеск удивления и уловил некую мрачную отстраненность от происходящего.

Все молча наблюдали за тем, как Дэлглиш опустился около трупа на колени. Он не прикасался к покойной, лишь приподнял полу ее кардигана и блузку, которые уже были расстегнуты, и его взгляду представилась ручка стамески. Она была воткнута в тело по самую рукоять. На тканях Дэлглиш увидел незначительные кровоподтеки, но крови не было. Нательная майка задралась вверх, обнажив грудь для жестокого просчитанного удара. Убийца явно хорошо разбирается в анатомии. Существуют гораздо более легкие способы убить человека, не прибегая к удару острым предметом в самое сердце. Но для того, кто располагал определенными знаниями и силой, именно этот метод казался наиболее надежным.

Дэлглиш привстал на коленях и повернулся к Питеру Нейглу:

– Это ваша стамеска?

– Судя по всему, да. Похожа на мою, к тому же моей нет в ящике.

Несмотря на то что Нейгл не произнес привычного слова «сэр», в его голосе, звучавшем вежливо и невыразительно, не слышалось надменности или негодования. Дэлглиш спросил:

– Есть у вас какие-нибудь предположения, как она могла попасть сюда?

– Никаких. Но я бы вряд ли их высказал, даже если бы они у меня и были, ведь правда?

Главный врач метнул на Нейгла недовольный взгляд в знак предостережения или порицания и быстро положил ему руку на плечо. Не спросив разрешения у Дэлглиша, он мягко произнес:

- Пока это все, Нейгл. Подождите в коридоре, хорошо?

Дэлглиш не высказал никаких возражений, когда дежурный отделился от группы и покинул комнату, не добавив больше ни слова.

- Бедный мальчик! Его шокировало, что убийство совершили его стамеской. Это похоже на гнусную попытку впутать в это дело его. Но вы сами скоро поймете, господин следователь, что Нейгл - один из тех немногих сотрудников клиники, у кого есть алиби на предполагаемое время смерти.

Дэлглиш не стал указывать на то, что это само по себе весьма подозрительно.

- Вы установили приблизительное время смерти? - спросил он.

Доктор Этридж ответил:

- Я решил, что это произошло совсем недавно. Доктор Бейгли тоже так считает. В клинике сегодня очень тепло, у нас только что включили центральное отопление, следовательно, тело должно остывать очень медленно. Я не обнаружил окоченения. Разумеется, я не полный дилетант в таких вещах. Потом я сделал вывод, что мисс Бодем, должно быть, умерла около часа назад или меньше того. Естественно, мы обсуждали произошедшее до вашего прихода. Выходит так, что старшая сестра Эмброуз была последней, кто видел мисс Бодем живой. Это произошло в шесть двадцать. Калли, наш старший дежурный, говорит, что мисс Бодем позвонила ему по внутреннему телефону примерно в шесть пятнадцать и сказала, что собирается в полуподвал и что мистера Лодера следует направить в ее кабинет, если он приедет. Пару минут спустя, насколько помнит старшая сестра Эмброуз, она вышла из кабинета ЭШТ на первом этаже и направилась к приемной, чтобы сообщить какому-то человеку, что его жену можно забирать домой. Сестра увидела, как мисс Бодем идет по коридору к лестнице, ведущей в полуподвал. Больше никто не видел ее живой.

- За исключением убийцы, - заметил Дэлглиш. Доктор Этридж принял удивленный вид.

– Разумеется, именно так. Я хотел сказать, никто из нас больше не видел ее живой. Я попросил старшую сестру Эмброуз уточнить время, и она с полной уверенностью...

– Я допрошу сестру Эмброуз и второго дежурного.

– Конечно. Естественно, вы захотите поговорить со всеми. Мы так и думали. Пока ждали вас, мы все позвонили домой и без объяснения причин сообщили близким, что сегодня задержимся на работе. Мы уже обыскали здание и убедились, что дверь на полуподвальном этаже и черный вход на первом этаже закрыты изнутри на засов. Само собой, мы ни к чему не прикасались. Я устроил все так, чтобы весь персонал собрался в кабинете, окна которого выходят на фасад здания. Только старшая сестра и сестры Болем остались с пациентами в приемной. Никого, кроме вас и мистера Лодера, в клинику не пускали.

– Кажется, доктор, вы позаботились обо всем, – сказал Дэлглиш. Он поднялся с колен и встал, глядя на тело сверху вниз. – Кто обнаружил тело? – спросил он.

– Одна из наших машинисток, Дженнифер Придди. Калли, старший дежурный, большую часть дня жаловался на боли в желудке, и мисс Придди пошла искать мисс Болем, чтобы спросить, может ли он уйти домой пораньше. Мисс Придди страшно расстроена, но она рассказала мне...

– Думаю, было бы лучше, если бы я услышал все непосредственно от нее самой. Дверь обычно держали закрытой?

Его тон был в высшей степени учтивым, но он ощущал, что все относятся к нему настороженно. Главный врач ответил таким же ровным голосом, как и раньше:

– Как правило, да. Ключ висит на доске рядом с другими ключами от кабинетов в комнате дежурных, которая находится здесь, на полуподвальном этаже. Стамеска лежала там же.

– А этот идол?

– Его принесли из кабинета творческой терапии, что располагается по коридору напротив. Фигурку вырезал один из наших пациентов.

Ответ опять прозвучал из уст главного врача. До сих пор доктор Бейгли не проронил ни слова. Но тут он сказал:

- Ее оглушил этим идиолом, а потом заколол прямо в сердце некто, кто был либо очень умен, либо чертовски удачлив. Это абсолютно ясно. Что не ясно, так это зачем разворошили архивные материалы. Мисс Бодем лежит на них, так что, должно быть, это произошло до того, как ее убили.

- Вероятно, она боролась с убийцей, - предположил доктор Этридж.

- Не похоже. Папки сняли с полок и намеренно разбросали вокруг. Для этого должна была существовать какая-то причина. В убийстве не было никакой спонтанности.

Как раз в этот момент Питер Нейгл, который, очевидно, все это время стоял за дверь, вошел в помещение:

- В дверь позвонили, сэр. Это прибыли полицейские?

Дэдлиш заметил, что стены архива хорошо изолированы. Звонок входной двери звучал громко и резко, однако тут ничего никто слышал.

- Верно, - подтвердил он. - Поднимемся наверх.

Пока они вместе шли к лестнице, доктор Этридж сказал:

- Мне хотелось бы знать, господин следователь, не могли бы вы в ближайшем времени допросить наших пациентов? В клинике их осталось только два: мужчина - пациент, проходящий курс психотерапии у моего коллеги доктора Штайнера, и женщина, которую лечат лизергиновой кислотой здесь, внизу, в полуподвальном кабинете в передней части здания. Доктор Бейгли может объяснить, как проходит лечение, - это его пациентка. Но можете быть уверены: она смогла встать с кушетки лишь пару минут назад и, разумеется, ничего не знает об убийстве. Во время лечебных процедур такие пациенты почти полностью дезориентированы. Сестра Бодем находилась при ней весь вечер.

- Сестра Бодем? Она приходится родственницей умершей?

– Кузиной, – коротко ответил Бейгли.

– А ваша дезориентированная пациентка, доктор? Она увидела бы, если бы сестра Бодем покинула ее во время лечения?

Доктор Бейгли отрезал:

– Сестра Бодем не покинула бы ее.

Они вместе поднялись по лестнице и услышали в коридоре шум голосов.

Звонок в дверь ознаменовал вторжение в клинику Стина атрибутов и признаков иного, чуждого мира. Тихо и без лишней суеты полицейские эксперты приступили к делу. Дэлглиш удалился в архив вместе с хирургом и фотографом. Специалист по отпечаткам, невысокий человек, со щеками, пухлыми, как у хомяка, и крошечными тонкими пальцами, занялся дверными ручками, замками, ящиком для инструментов и идолом Типпета. Полисмены в штатском, сбивая всех с толку своим видом, так как напоминали скорее актеров кино в роли шпииков, методично обыскивали каждое помещение и каждый шкаф в клинике, проверяя, действительно ли тут нет никого, кому здесь быть не положено, и действительно ли черные входы-выходы на полуподвальном и первом этажах надежно заперты изнутри. Медицинский персонал, не вовлеченный в эти действия и собравшийся в кабинете на первом этаже, куда второпях притащили дополнительные мягкие кресла из приемных, чувствовал себя так, будто его исконную территорию захватили чужеземцы, а сотрудники клиники попали под колеса безжалостной машины правосудия и вскоре столкнутся бог знает с какими злоключениями и несчастьями. Лишь секретарь Лодер, казалось, хранил спокойствие. Он расположился в коридоре, как сторожевой пес, и сидел там в одиночестве, терпеливо ожидая, пока подойдет его очередь идти на допрос.

Дэлглиш воспользовался кабинетом мисс Бодем. Это было маленькое помещение на первом этаже между большим общим кабинетом в передней части здания, кабинетом лечения ЭШТ и комнатой отдыха. Напротив находились два кабинета и приемная для ожидания пациентов. Кабинет был создан при помощи перегородки, отсекавшей конец большого помещения, так что он обладал весьма странными пропорциями и был чересчур узок. Внутри почти не было мебели и отсутствовал даже намек на какой-либо вкус, если не считать большую вазу с хризантемами на шкафу. У одной стены располагался старомодный сейф,

а вдоль другой были расставлены зеленые металлические шкафы для документов. Стол был совсем скромным, и на нем не лежало ничего, кроме настольного календаря, выпущенного Издательством ее величества[6 - Издательство ее величества – правительственное издательство в Лондоне, выпускает официальные издания, снабжает государственные учреждения канцелярскими принадлежностями. Основано в 1786 г.], блокнота для записей и тонкой пачки папок из манильской бумаги. Дэлглиш просмотрел их и сказал:

– Это странно. Похоже, здесь досе тех, кто здесь работает, но только женщин. Между прочим, среди них нет ее собственного. Интересно, зачем мисс Бодем их достала?

– Возможно, хотела проверить, кому и когда положен ежегодный отпуск или что-то вроде того, – предположил сержант Мартин.

– Думаю, может, и так. Но почему только женщины? Да ладно, вряд ли в данный момент это имеет первостепенное значение. Давайте взглянем на эти пометки.

Судя по всему, мисс Бодем была из тех административных работников, что не доверяют своей памяти. Верхний листок блокнота, где стояла дата, был испещрен записями, сделанными косым, почти детским, почерком:

Медицинская комиссия – поговорить с М.К. кас. предложения о подростковом отдел-ии.

Поговорить с Нейглом – порвался шнур для подъема окна в кабинете мисс Каллински.

Миссис Шортхаус – отпуск.

Эти пометки по крайней мере можно было понять, а вот слова, стоящие ниже и написанные, казалось, впопыхах, гораздо хуже поддавались толкованию.

Женщина. Здесь восемь лет. Прибыть в 1-й понедельник.

Дэлглиш сказал:

– Похоже на запись телефонного разговора. Конечно, это мог быть и разговор личного характера, не имеющий ничего общего с делами клиники. Возможно, звонил какой-то врач, пытавшийся разыскать пациента, или наоборот. Кто-то или что-то, очевидно, прибудет в первый понедельник или в понедельник первого числа. Здесь можно дать с дюжину разных интерпретаций, и ни одна из них не будет иметь прямого отношения к убийству. Тем не менее недавно кто-то позвонил по поводу какой-то женщины, и мисс Бодем явно занялась изучением досье всех сотрудниц клиники. Для чего? Чтобы проверить, кто из них пришел на работу восемь лет назад? Все это как-то сомнительно. Оставим на время такое приятное занятие, как выдвижение гипотез, и приступим к допросу персонала. Прежде всего я хотел бы поговорить с машинисткой, девушкой, которая обнаружила тело. Этридж сказал, она очень расстроена. Будем надеяться, что она уже успела успокоиться, иначе мы проведем здесь добрую половину ночи.

Однако Дженнифер Придди была совершенно спокойна. Она явно выпила спиртного, и на ее печаль наложилось возбуждение, которое она с трудом сдерживала. Ее лицо, все еще опухшее от слез, было покрыто красными пятнами, а глаза неестественно блестели. Тем не менее алкоголь не затуманил ее мыслей, и она рассказывала о случившемся подробно и внятно. Большую часть вечера она провела за работой в общем кабинете на первом этаже и в последний раз видела мисс Бодем примерно в пять сорок пять, когда зашла в ее кабинет, чтобы спросить насчет времени приема одного пациента. Ей показалось, что мисс Бодем выглядит как обычно. Она вернулась в общий кабинет, куда примерно в шесть десять также пришел Питер Нейгл. На нем было пальто – он хотел забрать исходящую почту. Мисс Придди зарегистрировала в журнале последние несколько писем и передала их ему. Примерно в пятнадцать или двадцать минут седьмого к ним присоединилась миссис Шортхаус. Миссис Шортхаус упомянула, что пару минут назад была в кабинете мисс Бодем и решала вопрос о своем ежегодном отпуске. Питер Нейгл забрал почту и ушел, а Дженнифер Придди и миссис Шортхаус оставались в комнате вместе до того, как он вернулся десять минут спустя. Затем Нейгл отправился в комнату дежурных в полуподвале, чтобы оставить там пальто и покормить Тигру – кота, который жил в клинике, и она почти сразу же последовала за ним. Она помогла Нейглу покормить Тигру, и они вместе вернулись в общий кабинет.

Примерно в семь старший дежурный Калли снова пожаловался на боль в желудке, которая беспокоила его целый день. Мисс Придди, миссис Босток, второму секретарю клиники, и Питеру Нейглу по очереди приходилось подменять Калли у коммутатора время от времени, так как у него болел живот, а домой он идти отказывался. Наконец он согласился уйти, и мисс Придди отправилась в кабинет мисс Бодем, чтобы спросить, нельзя ли Калли закончить работу пораньше. Мисс Бодем на месте не оказалось, поэтому мисс Придди решила посмотреть, нет ли ее в комнате дежурных медсестер на первом этаже. Старшая сестра Эмброуз сообщила ей, что видела, как заведующая административно-хозяйственной частью шла по коридору к лестнице, ведущей на цокольный этаж тридцать минут назад или даже раньше, поэтому мисс Придди спустилась вниз.

Обычно архив запирали на ключ, но на этот раз ключ находился в замке, а дверь была приоткрыта, и мисс Придди заглянула внутрь. В комнате горел свет. Она обнаружила тело – тут голос мисс Придди дрогнул – и немедленно бросилась вверх за помощью. Нет, она ничего не трогала. Она не знала, почему в архиве повсюду разбросаны документы. Она не знала, почему сразу же решила, что мисс Бодем мертва. Просто мисс Бодем выглядела такой... ужасно мертвой. Она не знала, откуда у нее взялось твердое убеждение в том, что произошло убийство. Ей показалось, она увидела синяк на голове мисс Бодем. И потом еще этот идол Типпета лежал на теле. Она боялась, что Типпет прячется где-то за стеллажами с папками и может напасть на нее. Все говорили, что Типпет не опасен – все, за исключением доктора Штайнера, – но, в конце концов, Типпет ведь лечился в клинике для душевнобольных, а в таких случаях ничего нельзя знать наверняка. Нет, она не знала, что Типпета не было в клинике. На звонок из больницы ответил Питер Нейгл и сообщил обо всем мисс Бодем, а ей ничего не сказал. Она не видела стамеску в груди мисс Бодем, но доктор Этридж объявил персоналу, что жертву закололи, когда все собрались в одном кабинете в ожидании приезда полицейских. Она подумала, что большинство сотрудников знают, где Питер Нейгл держит инструменты, а также каким ключом открывается дверь в архив. Он висел на крючке под номером 12 и блестел больше, чем другие ключи, но не был подписан. Дэлглиш сказал:

– Я хочу, чтобы вы очень хорошо подумали. Когда вы спустились вниз, чтобы помочь мистеру Нейглу покормить кота, была ли дверь архива приоткрыта и горел ли там свет, как тогда, когда вы пришли туда во второй раз и увидели мисс Бодем?

Девушка откинула назад влажные светлые волосы и произнесла с неожиданной усталостью:

– Я... я не помню. Понимаете, я не проходила мимо той двери. Я пошла прямо в комнату дежурных, что у подножия лестницы. Питер как раз мыл тарелку Тигры. Он съел не все, что мы ему дали в последний раз, и мы соскребли остатки еды с тарелки и помыли ее в раковине. Мы не проходили мимо архива.

– Но вы же могли видеть дверь, когда спускались по лестнице. Вы бы заметили, если бы она была приоткрыта? Ведь в это помещение редко заходят, разве не так?

– Так, но туда мог попасть кто угодно, кому требовались документы. Если бы даже дверь была открыта, я не стала бы проверять, кто там находится. Думаю, я заметила бы, если бы дверь была распахнута, но полагаю, что все-таки она была закрыта. Хотя я не помню, честно, не помню.

В завершение допроса Дэлглиш расспросил машинистку о мисс Бодем. Было похоже, что Дженнифер Придди знала ее не только как коллегу по работе, ведь она с семьей ходила в ту же самую церковь и именно мисс Бодем способствовала тому, чтобы она устроилась в клинику Стина.

– Я никогда бы не получила эту должность, если бы не Энид. Разумеется, я не обращалась к ней так в стенах клиники. Ей бы это не понравилось.

У Дэлглиша, однако, создалось впечатление, будто мисс Придди с большой неохотой называла мисс Бодем по имени и за пределами клиники. Она продолжила:

– Конечно, она меня не назначала, я прошла собеседование с мистером Лодером и доктором Этриджем, но я знаю, что она замолвила за меня словечко. Моя стенография и качество печати тогда были не на высоте – я пришла в клинику почти два года назад, – и мне очень повезло, что я вообще сюда попала. Я не часто видела Энид на работе, но она всегда была добра ко мне и рада помочь. Она хотела, чтобы я получила диплом Института управления лечебными учреждениями, чтобы мне не пришлось всю жизнь работать машинисткой-стенографисткой.

Амбиции мисс Придди в том, что касалось карьеры, несколько удивили Дэлглиша. Эта молоденькая девушка отнюдь не казалась амбициозной и со временем, несомненно, должна была выйти замуж. Если что-то и могло спасти ее от того, чтобы всю жизнь проработать стенографисткой, то уж точно не институтский диплом. Ему стало немного жаль мисс Бодем, которая едва ли могла найти менее талантливую протее. Девушка была мила, открыта и наивна, но, подумал Дэлглиш, не особенно умна. Ему пришлось напомнить себе, что она указала свой возраст как двадцать два года, а не семнадцать лет. У нее было стройное и необычно развитое тело, как у зрелой женщины, но худое лицо, обрамленное длинными прямыми волосами, казалось лицом ребенка.

Она немного могла рассказать о заведующей административно-хозяйственной частью. В последнее время мисс Придди не замечала никаких изменений в поведении мисс Бодем. Она не знала, что заведующая пригласила к себе мистера Лодера, и понятия не имела о том, что могло беспокоить мисс Бодем. В основном дела шли так, как обычно. Насколько она знала, врагов у мисс Бодем не было, по крайней мере таких, которые хотели бы убить ее.

– Так она была счастлива здесь, как вам кажется? Мне интересно, не просила ли она о переводе в другое место. Ведь нелегко работать в психиатрической клинике.

– О да! Я не знаю, как со всем этим Энид справлялась. Но уверена, она никогда не стала бы просить о переводе. Должно быть, кто-то ввел вас в заблуждение. Она была не из тех, кто сдаётся. Если бы она думала, что люди жаждут ее ухода, то костями бы легла, чтобы остаться. Работа в клинике была для нее чем-то вроде испытания.

Судя по всему, это было самое информативное из всех ее высказываний о мисс Бодем. Выражая благодарность и прося мисс Придди подождать с остальным персоналом до тех пор, пока будет закончен предварительный опрос, Дэлглиш размышлял о том, каким может быть характер администратора, который воспринимает свою работу как испытание, как битву, которую никогда не прекратит по собственной воле. Затем он попросил позвать Питера Нейгла.

Если младшего дежурного и беспокоило то, что злоумышленник выбрал его стамеску в качестве орудия убийства, то он не подавал виду. На вопросы Дэлглиша Нейгл отвечал вежливо и спокойно, но так бесстрастно, словно они обсуждали какие-то незначительные подробности врачебных манипуляций, что

едва ли относились к его компетенции. Он сказал, что ему двадцать семь лет, дал свой адрес в Пимлико и подтвердил, что работает в клинике немногим более двух лет и что раньше был сотрудником одной провинциальной школы искусств. Его голос звучал ровно и учтиво, а большие карие глаза почти ничего не выражали. Дэлглиш обратил внимание на то, что его руки, казавшиеся необычно длинными для столь низенького и крепкого туловища, могли обладать некой животной, обезьяньей силой. Его черные волосы лежали тугими завитками надо лбом. У этого молодого человека было умное, интересное лицо с несколько отстраненным выражением. Вряд ли мог найтись другой человек, так сильно отличавшийся от бедного старого Калли, которого давно отправили домой лечить больной живот и лелеять обиду на то, что его так сильно задержали.

Нейгл подтвердил информацию мисс Придди. Он снова сказал, что это его стамеска, но не выразил при этом никаких эмоций, а лишь поморщился с отвращением и сказал, будто в последний раз видел ее в восемь утра того дня, когда прибыл на дежурство и – без какой бы то ни было причины – проверил наличие всех инструментов в ящике. Тогда все лежало на своих местах. Дэлглиш поинтересовался, было ли известно остальным сотрудникам клиники, где он держал ящик с инструментами. Нейгл ответил:

– Я был бы глупцом, если бы сказал «нет», правда?

– Вы были бы глупцом, если бы говорили все, что угодно, кроме правды, сейчас или потом.

– Думаю, большинство моих коллег знали об этом. А те, кто не знал, легко могли это выяснить. Комната дежурных обычно открыта.

– Это весьма неблагоразумно, не так ли? А как насчет пациентов?

– Они не ходят в полуподвал одни. Пациентов, которых лечат лизергиновой кислотой, всегда сопровождают, а за теми, кто посещает отделение творческой терапии, тоже всегда кто-то следит. Это отделение находится здесь не так давно. Тут плохое освещение, так что место не совсем подходящее. Отделение перевели сюда временно.

– А где же оно располагалось раньше?

– На четвертом этаже. Потом медкомиссия решила, что этот большой кабинет необходимо выделить под нужды дискуссионных групп по проблемам семьи, и миссис Баумгартен, терапевт, потеряла его. Она пыталась вернуть его обратно, но пациенты отделения консультаций по проблемам семьи утверждают, что им было бы психологически некомфортно встречаться в полуподвале.

– Кто руководит этим отделением?

– Доктор Штайнер и один из социальных работников – мисс Каллински. Это нечто вроде клуба, где разведенные и одинокие учат пациентов, как стать счастливыми, несмотря на то, что они состоят в браке. Не вижу никакой связи с убийством.

– Я тоже. Я спросил об этом, только чтобы удовлетворить свое любопытство и узнать, почему отделение творческой терапии располагается в столь неподходящем месте. Кстати, когда вы узнали о том, что сегодня Типпет не придет?

– Около девяти утра. Старик долго упрашивал персонал больницы Святого Луки позвонить нам и сообщить о случившемся. Так они и сделали. Я передал это мисс Бодем и старшей сестре.

– Может, еще кому-нибудь?

– По-моему, я упомянул об этом в разговоре с Калли, когда он вернулся на вахту. У него почти весь день болел желудок.

– Мне об этом рассказали. Чем он болен?

– Калли? Мисс Бодем заставила его лечь в больницу на обследование, но у него ничего не обнаружили. У него начинает болеть желудок, когда его кто-то расстраивает. Врачи в клинике говорят, что эти боли носят психосоматический характер.

– Что расстроило его сегодня утром?

– Это моя вина. Сегодня утром он появился здесь раньше меня и начал разбирать почту. Это моя работа. Я сказал ему, чтобы он занялся своими делами.

Дэлглиш терпеливо расспросил Нейгла обо всех событиях вечера. Его рассказ соответствовал рассказу мисс Придди, и, как и она, он не смог вспомнить, была ли дверь архива приоткрыта, когда он вернулся на полуподвальный этаж после отправки писем. Нейгл подтвердил, что проходил мимо двери, когда пошел спросить сестру Бодем, было ли рассортировано белье. Обычно дверь в архив была закрыта, так как туда редко кто-либо заглядывал, и он подумал, что заметил бы, если бы она была открыта. Невозможность прояснить такой важный момент разочаровывала и раздражала Дэлглиша, но Нейгл стоял на своем. Он не заметил. Он не мог сказать наверняка. Он не заметил также, висел ли ключ от архива на доске в комнате дежурных. Это было легче понять. На доске двадцать два крючка, и большинством ключей постоянно пользовались, так что их не было на своих местах. Дэлглиш спросил:

– Вы осознаете, что тело мисс Бодем, вероятнее всего, находилось в архиве, когда вы и мисс Придди вместе кормили кота? Вы осознаете, насколько важно вспомнить, была дверь открыта или заперта?

– Она была приоткрыта, когда Дженни Придди спустилась вниз позже. Она так говорит, а она никогда не лжет. Если дверь была закрыта, когда я вернулся после отправки почты, значит, скорее всего кто-то открыл ее в промежуток между шестью двадцатью пятью и семью часами. Я не понимаю, что здесь такого странного. Для меня было бы лучше, если бы я помнил, в каком состоянии находилась дверь, но я не помню. Я повесил пальто в шкафчик и сразу пошел спросить сестру Бодем о чистом белье, а потом вернулся в комнату отдыха. С Дженни мы встретились внизу лестницы.

В его голосе не слышалось гнева, он звучал почти невозмутимо. Словно Нейгл хотел сказать: «Вот как все произошло. Нравится вам это или нет, но все произошло именно так». Он был слишком умен, чтобы не замечать нависшей над ним опасности. Возможно, он также был достаточно умен, чтобы понять: опасность будет минимальной для невинного человека, который держит себя в руках и говорит правду.

Дэлглиш попросил его немедленно сообщить в полицию, если он вспомнит что-то еще, и отпустил.

Потом вызвали старшую сестру Эмброуз. Она медленно прошествовала в кабинет, закованная в броню из белого льна, воинственная, как линейный корабль. Нагрудник ее фартука, накрахмаленный, жесткий, как фанера, изгибался по линии груди внушительных размеров, на которой, подобно военным орденам, сияли нашивки медсестры. Ее седые волосы с обеих сторон выбивались из-под глубоко надвинутой на лоб шапочки, которая венчала бескомпромиссно уродливое лицо. На ее щеках играл яркий румянец; Дэлглиш подумал, что ей с трудом удастся скрывать негодование и недоверие к нему. Он старался быть мягким, но она отвечала на его вопросы, демонстрируя сильнейшее неодобрение.

Она коротко подтвердила, что в последний раз видела мисс Бодем, когда та шла по коридору к лестнице, ведущей на полуподвальный этаж, примерно в двадцать минут седьмого. Они не разговаривали, и заведующая административно-хозяйственной частью выглядела как обычно. Старшая сестра Эмброуз вернулась в кабинет ЭШТ, прежде чем мисс Бодем скрылась из виду, и находилась там с доктором Ингрэм до тех пор, пока не нашли тело. На вопрос Дэлглиша, был ли доктор Бейгли рядом с ними все это время, старшая сестра Эмброуз предложила ему спросить об этом самого доктора. Дэлглиш спокойно заметил, что именно это он и собирался сделать. Он знал, что старшая сестра могла бы дать ему массу полезных сведений о клинике, если бы захотела, но, если не считать нескольких вопросов о ее личных отношениях с мисс Бодем, из ответов на которые он ничего для себя не вынес, он не стал давить на нее. Дэлглиш подумал, что она, вероятно, потрясена смертью мисс Бодем и просчитанной до мелочей жестокостью убийства больше, чем все, кого он уже опросил.

Как иногда бывает с молчаливыми и лишенными воображения людьми, перенесенное потрясение способствовало приступу дурного настроения. Старшая сестра была очень сердита: на Дэлглиша – за то, что по долгу службы он имел право задавать дерзкие и нескромные вопросы, на себя – за то, что не могла скрыть своих чувств, и даже на жертву, которая вовлекла весь персонал клиники в это дикое разбирательство. Дэлглиш уже сталкивался с подобным поведением и знал, что нет смысла пытаться принудить такого свидетеля к сотрудничеству. Возможно, позже ему и удастся вызвать сестру Эмброуз на более доверительный разговор; сейчас же он бы только потерял время, стараясь

выудить у нее больше сведений, чем она готова была дать. По крайней мере один раскрытый ею факт имел решающее значение: мисс Бодем была еще жива и двигалась по направлению к лестнице в полуподвал примерно в двадцать минут седьмого. В семь часов ее нашли мертвой.

Эти роковые сорок минут были крайне важны, и если кто-нибудь из сотрудников клиники мог предоставить алиби на этот отрезок времени, то их можно было бы исключить из списка подозреваемых. На первый взгляд дело казалось не особенно трудным. Дэлглиш не верил, что посторонний человек каким-то образом проник в клинику и затаился там в ожидании мисс Бодем. Убийца, очевидно, до сих пор находится в здании.

Теперь задача состояла в тщательном допросе, методичной проверке алиби всех и каждого и поисках мотива. Дэлглиш решил поговорить с человеком, который, казалось, обладал нерушимым алиби и должен был сформулировать объективное стороннее мнение о клинике и ее многочисленных обитателях. Адам поблагодарил старшую сестру Эмброуз за помощь (ее глаза сверкнули за стеклами очков в стальной оправе, так что он понял: его ирония не осталась незамеченной) и попросил констебля у двери пригласить в кабинет мистера Лодера.

Глава 2

Дэлглишу впервые представилась возможность рассмотреть секретаря комитета вблизи. Он увидел плотно сбитого, круглощечного мужчину с кротким взглядом из-под тяжелых квадратных очков, который в своем ладно скроенном твидовом костюме был больше похож на деревенского доктора или адвоката из маленького городка, чем на бюрократа. Он был полностью расслаблен и держался как человек, уверенный в своей власти, который не желал, чтобы его торопили, и всегда оставлял что-нибудь интересное про запас. А у него, подумал Дэлглиш, ум куда более тонкий, чем может показаться, если судить исключительно по внешнему виду.

Лодер сел напротив Дэлглиша, подвинул стул вперед, чтобы ему было удобнее, и, не извинившись и не спросив разрешения, достал трубку из одного кармана и начал искать кисет в другом. Кивнув в сторону сержанта Мартина, державшего

раскрытый блокнот, он заговорил медленно и с легким североанглийским акцентом:

– Реджинальд Ивен Лодер. Дата рождения – 21 апреля 1905 года. Место проживания: Эссекс, Чигвелл, Мейкпис-авеню, дом 42. Род занятий: секретарь Восточно-Центрального комитета по управлению лечебными учреждениями. Ну что ж, суперинтендант, теперь скажите, что вас интересует?

– Боюсь, многое, – ответил Дэлглиш. – Прежде всего хотелось бы знать, есть ли у вас хоть какие-нибудь соображения по поводу того, кто мог убить мисс Бодем?

Секретарь взял курительную трубку в рот и, опершись локтями на стол, с удовлетворением принялся созерцать раскаленную чашечку.

– Хотел бы я, чтобы они у меня действительно были. Тогда я пришел бы к вам намного раньше и рассказал обо всем без всякого страха. Но нет. Здесь я ничем не могу вам помочь.

– У мисс Бодем не было врагов, насколько вам известно?

– Врагов? Знаете, суперинтендант, это слишком сильное слово. В ее окружении были люди, которым она не особенно нравилась, так же как и в моем, и, несомненно, в вашем. Но мы же не боимся, что нас могут убить. Нет, я не сказал бы, что у нее были враги. Имейте в виду, я ничего не знаю о ее личной жизни. Это не мое дело.

– Вы могли бы что-нибудь рассказать о клинике Стина и должности, которую занимала мисс Бодем? Разумеется, я знаком с репутацией клиники, но был бы вам очень признателен, если бы вы нарисовали мне ясную и четкую картину того, что здесь происходит.

– Ясную и четкую картину того, что здесь происходит?

Возможно, это была лишь игра воображения, но Дэлглишу показалось, что губы секретаря на мгновение исказила судорога.

– Думаю, главный врач мог бы проинформировать вас об этом лучше, чем я, то есть с медицинской точки зрения, разумеется. Но я могу рассказать о клинике в общих чертах. Учреждение было основано в годы между Первой и Второй мировыми войнами семьей некоего Хаймана Штайна. Говорят, старик страдал от импотенции, потом прошел небольшой курс психотерапии и впоследствии стал отцом пятерых детей. Доведя его до бедности, все они начали процветать и, когда он умер, обеспечили клинику солидной финансовой поддержкой в память о нем. В конце концов, они тоже были кое-чем обязаны этому месту. Все сыновья сменили фамилию на Стин – по вполне понятной причине, как я полагаю, – и увековечили ее в названии клиники. Я часто задаюсь вопросом, что подумал бы об этом старый Хайман.

– Клиника получает много пожертвований?

– Раньше – да, но не сейчас. Организация получала пожертвования вплоть до даты вступления в силу Акта 1946 года[7 - Под Актом 1946 года имеется в виду акт учреждения Национальной службы здравоохранения, который вступил в силу 5 июля 1948 г., что стало фактической датой образования НСЗ. До учреждения НСЗ медицина в Великобритании была платной. Клиники существовали главным образом за счет пожертвований.]. Раньше тоже поступали кое-какие средства, но в небольших количествах. Мало кто жаждет отписать деньги учреждению, которое подчиняется правительству. До 1948 года, как и многие другие подобные заведения, клиника отнюдь не испытывала недостатка в финансах. Сотрудники сами закупали хорошее оборудование и аппаратуру. Поэтому комитету пришлось нелегко, когда перед ним встала задача обеспечивать клинику так, как там привыкли.

– Клиникой сложно управлять? Думаю, здесь можно столкнуться с разными личностными проблемами.

– Не сложнее, чем любой маленькой организацией. Личностные проблемы возникают везде. Я бы в любом случае предпочел иметь дело с неприятным психиатром, чем с неприятным хирургом. Вот они – настоящие примадонны.

– Вам казалось, мисс Бодем – хороший администратор?

– Ну... она знала свое дело. Мне не поступало никаких жалоб. Полагаю, она была резковата. В конце концов, министерские директивы не имеют силы закона,

поэтому нет смысла относиться к ним так, словно их записали под диктовку всемогущего Господа Бога. Сомневаюсь, что мисс Бодем могла бы пойти дальше и преступить границы дозволенного. Говорю вам: она была компетентным, последовательным и исключительно добросовестным работником. Не помню, чтобы она когда-либо отправляла нам неточный отчет.

«Бедная женщина!» – подумал Дэлглиш, потрясенный унылой обезличенностью этой официальной эпитафии. Он спросил:

– Ее здесь любили? Остальные сотрудники, например?

– Ну, знаете, суперинтендант, об этом вам лучше спросить у них. Не вижу никаких причин, по которым они могли бы ее не любить.

– Не оказывали ли на вас давления в лечебно-медицинской комиссии, чтобы вы поспособствовали ее смещению с должности в клинике?

Кроткие серые глаза потухли и потеряли всякую выразительность. На мгновение повисла пауза, затем секретарь спокойно ответил:

– Официально ко мне не поступали запросы такого рода.

– А неофициально?

– Время от времени, как мне кажется, в комиссии подумывали, что смена места работы могла бы благотворно повлиять на мисс Бодем. Это не такая уж плохая мысль, суперинтендант! Для любого руководителя маленькой организации, а в особенности психиатрической клиники, новый опыт может оказаться весьма полезным. Но я не перевожу сотрудников с одного места на другое по прихоти лечебно-медицинской комиссии. Да никогда, Боже правый! И, как я уже говорил, официально таких запросов сделано не было. Если бы мисс Бодем сама попросила о переводе, это было бы совсем другое дело. Но даже в таком случае было бы нелегко удовлетворить ее просьбу. Она была старшим администратором, а у нас не так много подобных вакансий.

Затем Дэлглиш задал вопрос о телефонном звонке мисс Бодем, и Лодер подтвердил, что разговаривал с ней примерно без десяти час. Он запомнил

время, потому что как раз собирался идти на ленч. Мисс Бодем хотела поговорить с Лодером лично, и секретарь соединила ее с ним. Мисс Бодем спросила, нельзя ли встретиться срочно.

- Вы можете точно воспроизвести ваш разговор?

- Более или менее. Она спросила: «Можно ли договориться с вами о встрече в самое ближайшее время? Думаю, здесь происходит нечто такое, о чем вы должны знать. Мне нужен ваш совет. Это началось задолго до моего появления здесь». Я ответил, что не смогу увидаться с ней днем, так как буду на встрече в комитете по финансам и общим вопросам с двух тридцати и далее, а после этого сразу поеду в объединенный консультационный комитет. Я спросил, не может ли она хотя бы намекнуть, о чем идет речь, и не может ли это подождать до понедельника. Мисс Бодем заколебалась и, прежде чем она успела ответить, я сказал, что загляну в клинику по дороге домой сегодня вечером. Я знал, что по пятницам клиника работает допоздна. Мисс Бодем сказала, что уладит все дела и будет одна у себя в кабинете с шести тридцати, поблагодарила меня и повесила трубку. Заседание объединенного консультационного комитета затянулось дольше, чем я ожидал - в этом комитете так всегда, - и я оказался в клинике чуть раньше семи тридцати. Но это вы уже знаете. Я все еще находился на заседании комитета, когда нашли тело, что вы, несомненно, проверите.

- Вы серьезно отнеслись к словам мисс Бодем? Была ли она женщиной, способной побеспокоить вас из-за пустяков, или просьба о встрече с ее стороны действительно могла означать, что случилось нечто серьезное?

Секретарь на мгновение задумался, прежде чем ответить.

- Я воспринял все сказанное ею серьезно. Именно поэтому и приехал сюда сегодня вечером.

- И вы не имеете ни малейшего представления о причине ее волнений?

- Боюсь, что нет. Вероятно, речь должна была пойти о том, что она могла узнать после среды. Во второй половине дня в среду я видел ее на заседании административно-хозяйственной комиссии, по окончании которого она сообщила мне, что дела в клинике идут более или менее гладко. Кстати, это был последний раз, когда я ее видел. Тогда я даже подумал, что она совсем неплохо

выглядит. Во всяком случае, лучше, чем выглядела некоторое время назад.

Дэлглиш поинтересовался у секретаря, что он знает, если знает вообще, о личной жизни мисс Бодем.

– Мне известно очень немного. По-моему, у нее нет близких родственников и она живет одна в квартире в Кенсингтоне. Сестра Бодем сможет рассказать вам о ней больше. Они кузины, и, похоже, сестра Бодем ближайшая родственница убитой. Я считаю, мисс Бодем располагала кое-каким личным состоянием. Вся официальная информация о ее карьере содержится в досье. Я знал мисс Бодем и думаю, что свои дела она вела так же скрупулезно, как и досье всех сотрудников клиники. Оно совершенно точно находится здесь.

Не поднимаясь со стула, Лодер склонился набок, рывком выдвинул верхний ящик шкафа с документами и принялся перебирать пухлой рукой папки из манильской бумаги.

– Вот оно. Бодем, Энид Констанс. Я вижу, что она пришла к нам в октябре 1949 года на должность стенографистки. Она проработала восемнадцать месяцев в Центральном управлении, потом была переведена в одну из наших клиник грудной хирургии 19 апреля 1951 года со степенью Б[8 - В британской системе здравоохранения зарплата сотрудникам медицинских учреждений выплачивается исходя из присвоенной им степени. Каждой степени соответствует определенная буква, в настоящее время степеней девять, причем с каждой последующей буквой уровень заработной платы и требования к сотруднику повышаются.] и подала заявление на замещение вакансии администратора в этой клинике 14 мая 1957 года. Тогда этой должности соответствовала степень Г, и ей повезло, что она ее получила. Тогда наши позиции были не особенно сильны, насколько я помню. Все административные и канцелярские должности были вновь классифицированы в 1958 году в соответствии с докладом Ноэля Холла[9 - Имеется в виду доклад Ноэля Холла по структуре классификации административных и канцелярских служащих в учреждениях здравоохранения, изданный в 1958 г.], но после некоторых разногласий с региональным советом нам удалось классифицировать эту позицию как должность старшего администратора. Все это отражено здесь. Дата рождения – 12 декабря 1922 года. Адрес: Ю3-8[10 - Ю3-8 – юго-западный почтовый округ Лондона (включает южный Ламбет и Воксхолл). Всего в Лондоне 8 основных почтовых округов, каждый обозначается в соответствии с географическим положением.], Баллантайн-мэншнз, 37а. Далее следует

информация о ее налоговом идентификаторе, номер государственной медицинской страховки и записи о перенесенных заболеваниях. Мисс Бодем отсутствовала по болезни всего неделю, с тех пор как пришла сюда, и это было в 1959 году, когда она слегла с гриппом. Больше здесь ничего нет. Оригинал ее заявления о приеме на работу и приказы о назначении находятся в ее основном досье в центральном управлении.

Лодер передал папку Дэлглишу, который просмотрел ее и сказал:

– Здесь говорится, что до этого она работала в Исследовательском центре Ботли. Разве не эту организацию возглавляет сэр Марк Этридж? Там изучают аэронавтику на любительском уровне. Он ведь брат доктора Этриджа, не так ли?

– По-моему, мисс Бодем действительно упоминала при мне о том, что знакома с братом доктора Этриджа, когда ее назначали на эту должность. Однако имейте в виду: это могло быть не больше чем простое знакомство. В Ботли она была лишь стенографисткой. Я полагаю, это совпадение, но, в конце концов, она же должна была откуда-то прийти. Насколько я помню, именно сэр Марк дал ей рекомендацию, когда она устраивалась к нам. Разумеется, этот документ можно найти в ее досье в центральном управлении.

– Вы могли бы рассказать мне, мистер Лодер, какие кадровые перестановки планируете произвести теперь, когда она мертва?

– Не вижу причин это скрывать. Конечно, ввиду необычных обстоятельств произошедшего мне придется посоветоваться с другими членами комитета, но я выскажусь в пользу того, чтобы административные обязанности были возложены на второго секретаря-стенографиста, миссис Босток. Если она справится, а я думаю, что справится, то станет одним из наиболее вероятных кандидатов на место заведующего административно-хозяйственной частью, но тем не менее мы также будем давать объявления об открывшейся вакансии, как делаем всегда.

Дэлглиш воздержался от комментариев, хотя слова секретаря вызвали у него интерес. Лодер очень быстро принял решение о том, кто станет преемником мисс Бодем, и это могло означать только одно – он задумывался об этом и раньше. Может, обращения медицинского персонала по поводу мисс Бодем и не были официальными, но они явно оказали на секретаря гораздо большее

воздействие, чем он готов был признать. Дэлглиш решил вернуться к звонку, который привел мистера Лодера в клинику. Он заметил:

– Мне казалось, слова мисс Бодем имеют первостепенную важность. Она сказала, что, возможно, здесь происходит нечто серьезное, о чем вам следует знать, и что это началось до ее появления здесь. Получается, она еще не была ни в чем уверена, а только имела некие подозрения и в то же время была обеспокоена не каким-то конкретным инцидентом, а чем-то, что происходит постоянно. Как, например, систематическое воровство, а не единичный случай кражи.

– Знаете, суперинтендант, даже странно, что вы упомянули о краже. Клинику действительно недавно ограбили, но это было только один раз, впервые за много лет, и я не вижу здесь никакой связи с убийством. Это произошло чуть более недели назад, в прошлый вторник, если мне не изменяет память. Калли и Нейгл, как всегда, покинули клинику позже всех, и Калли попросил Нейгла пропустить с ним стаканчик в «Куинз хед». Полагаю, вы знаете это место. Это паб в дальнем углу Бифстик-стрит. В этой истории есть пара странных моментов, причем основной вопрос в том, с чего бы Калли стал приглашать Нейгла выпить. Они никогда не казались мне друзьями. Как бы там ни было, Нейгл согласился, и они вместе сидели в «Куинз хед» примерно с семи часов. Где-то в половине восьмого один знакомый Калли заглянул туда и очень удивился, увидев Калли, так как только что проходил мимо клиники и заметил в одном из окон слабый свет, будто кто-то ходил внутри с фонариком, – так он сказал. Нейгл и Калли отправились на место посмотреть, что случилось, и обнаружили, что одно из задних полуподвальных окон разбито или, скорее, вырезано. Очень умно, надо сказать. Калли не посчитал нужным проводить поиски дальше, пока не прибыло подкрепление, и я не уверен, что должен винить его в этом. Ему шестьдесят пять, как вы помните, и он не очень крепкого здоровья. Тихо посоветовавшись, они решили, что Нейгл зайдет в здание, а Калли позвонит в полицию из будки на углу. Ваши люди приехали довольно быстро, но не смогли поймать непрошеного гостя. Ему удалось ускользнуть от Нейгла в здании, и, вернувшись из телефонной будки, Калли заметил, как преступник скрылся в конюшнях.

– Я узнаю, как далеко полиция продвинулась в этом расследовании, – сказал Дэлглиш. – И я согласен, что связь между этими двумя преступлениями на первый взгляд кажется маловероятной. А много было украдено?

– Пятнадцать фунтов из ящика шкафа в кабинете социальных работников. Дверь была заперта, но преступник взломал ее. Деньги находились в конверте, подписанном зелеными чернилами. Этот конверт пришел на имя административного секретаря за неделю до этого. Никакого письма не прилагалось, была лишь записка с указанием, что деньги прислал благодарный пациент. Все остальные бумаги, лежавшие в ящике, были разорваны и разбросаны, но больше ничего не украли. Вор явно пытался открыть шкафы с документами в общем кабинете, как и ящики стола мисс Бодем, но ничего другого не взял.

Дэдлиш поинтересовался, не должны ли были сотрудники клиники спрятать пятнадцать фунтов в сейф.

– Что я могу сказать, суперинтендант? Конечно, вы правы, должны были. Но возникли небольшие трудности, когда мы решали, как распорядиться деньгами. Мисс Бодем позвонила мне, когда они получили конверт, и сказала, что, по ее мнению, деньги нужно немедленно перечислить на банковский счет клиники и потратить при необходимости по распоряжению административно-хозяйственной комиссии. Такой подход показался мне весьма разумным, и я так и сказал ей. Вскоре мне позвонил главврач и спросил, не может ли он распорядиться деньгами по своему усмотрению и купить новые вазы для цветов в приемную, где ожидают пациенты. Вазы, разумеется, давно были нужны, и такое применение негосударственных средств представлялось вполне резонным, поэтому я позвонил председателю комиссии и получил его одобрение. Доктор Этридж, очевидно, хотел, чтобы вазы выбрала мисс Кеттл, и попросил мисс Бодем передать ей наличные. Я уже уведомил мисс Бодем о принятом решении, поэтому она так и сделала, ожидая, что вазы будут куплены в ближайшее время. Но что-то заставило мисс Кеттл изменить планы, и вместо того, чтобы вернуть деньги заведующей хозяйственной частью на хранение, она заперла их у себя в ящике.

– Вам известно, сколько сотрудников знали, что деньги находятся там?

– Именно об этом спрашивали полицейские. Полагаю, большинство сотрудников знали, что вазы так и не были куплены, иначе мисс Кеттл обязательно бы их показала. Они, вероятно, догадывались, что, получив наличные, она не захотела бы их возвращать, пусть даже на время. Я не знаю. Само появление этих пятнадцати фунтов было загадочным. Как бы там ни было, суперинтендант, никто из сотрудников их не крал. Калли лишь на секунду увидел вора, но был

уверен, что никогда прежде не встречал этого человека. Хотя он сказал, что ему показалось, будто этот малый выглядел как джентльмен. Не спрашивайте меня, по каким критериям судил Калли, но сказал он именно так.

Дэлглишу этот инцидент показался довольно странным, и он подумал, что здесь требуется дальнейшее расследование, хотя и не увидел очевидной связи между двумя преступлениями. Нельзя было даже полностью полагаться на то, что звонок мисс Бодем секретарю Лодеру с просьбой дать ей совет имел отношение к ее смерти, хотя такая вероятность существовала. Было крайне важно выяснить, если возможно, какие именно подозрения ее мучили. Он еще раз спросил мистера Лодера, не может ли он помочь ему в этом.

– Я же говорил вам, суперинтендант, я понятия не имею, что она имела в виду. Если бы подозревал что-то неладное, то не стал бы ждать, пока мне позвонит мисс Бодем. Мы вовсе не настолько далеки от организаций, подконтрольных комитету, как думают некоторые, и я обычно в курсе всего, что мне следует знать. Если убийство связано с этим телефонным звонком, должно быть, в клинике происходит нечто очень серьезное. В конце концов, никто не станет убивать человека только ради того, чтобы секретарь комитета не узнал о подделке отчета о дорожных расходах или отдыхе дольше положенного срока. К тому же, насколько я знаю, ни у кого не было таких проблем.

– Вот именно, – подтвердил Дэлглиш. Он пристально посмотрел на секретаря и совершенно спокойно произнес: – Судя по всему, это было нечто такое, что могло повлечь за собой полный профессиональный крах. Вполне вероятно, сексуальные отношения с пациентом или что-то столь же недопустимое.

Выражение лица мистера Лодера несколько не изменилось.

– Думаю, все врачи осознают, насколько это серьезно, а психиатры в особенности. Им нужно быть особенно осторожными с некоторыми психически неуравновешенными женщинами, что проходят у них лечение. Откровенно говоря, я в такое не верю. Все доктора клиники – выдающиеся специалисты, некоторые славятся безукоризненной репутацией во всем мире. Приобрести такую репутацию глупцу не под силу, а люди столь известные, как наши врачи, убийств не совершают.

– А как насчет остальных сотрудников? Возможно, они и неизвестные, но вам, вероятно, кажутся честными?

Секретарь Лодер невозмутимо ответил:

– Старшая сестра Эмброуз здесь уже двадцать лет, а сестра Бодем – пять. Им я бы верил безоговорочно. Все работники канцелярии пришли с хорошими рекомендациями, как и оба дежурных – Калли и Нейгл. – Он сухо добавил: – Надо заметить, я не проверял, совершали ли они когда-либо убийства, но ни один из них никогда не производил на меня плохого впечатления. Калли, пожалуй, многовато пьет, но, в конце концов, он лишь заурядный человек, которому осталось отработать всего четыре месяца. Я сомневаюсь, чтобы он смог убить хотя бы мышь, не подняв при этом шума. Нейгл же выгодно отличается от обычных дежурных. Насколько я понимаю, он учится в академии искусств и подрабатывает здесь на карманные расходы. Он в коллективе всего два года, так что до появления мисс Бодем его здесь не было. Даже если бы он соблазнил всех коллег женского пола, что маловероятно, то худшее, что могло бы ему грозить, – это увольнение. Однако его бы вряд ли это волновало, судя по тому, как дела обстоят на сегодняшний день. Понятно, что мисс Бодем убили его стамеской, но кто угодно мог ее взять.

– Знаете, я все же боюсь, что это дело рук кого-то из сотрудников, – заметил Дэлглиш. – Убийца знал, где лежит идол, вырезанный Типпетом, и стамеска Нейгла. Знал, каким ключом открыть дверь архива. Знал, на каком крючке на доске в комнате отдыха дежурных висит этот ключ. Вероятно, он воспользовался одним из грубых холщовых фартуков, что хранятся в отделении творческой терапии, чтобы не испачкать одежду. И наверняка он имеет определенные познания в медицине. И что самое главное – убийца не мог покинуть клинику, совершив преступление. Дверь полуподвального этажа была закрыта, как и черный ход на первом этаже. А за главным входом следил Калли.

– У Калли болел живот. Он мог кого-нибудь пропустить.

– Неужели вы и правда считаете, что такое возможно? – спросил Дэлглиш.

Секретарь ничего не ответил.

С первого взгляда Мэрион Бодем могла показаться привлекательной. Она обладала утонченной классической красотой, которую подчеркивала форменная одежда медсестры, и производила впечатление безмятежного очарования. Ее светлые волосы, разделенные на пробор над широким лбом и скрученные в пучок высоко на затылке, венчала скромная белая шапочка. Лишь после второго взгляда иллюзия начинала таять, и сестра Бодем становилась не красивой, а только миловидной.

Черты лица, если их рассматривать отдельно, оказывались самыми обыкновенными: нос слегка длинноват, а губы тонковаты. В повседневной одежде, торопясь домой после работы, она была бы совсем неприметной. Именно сочетание строгой накрахмаленной униформы со светлой кожей и желтоватыми волосами завораживало и изумляло. Кроме широкого лба и острого носа, Дэлглишу не удалось найти в ней сходства с покойной кузиной. Но было что-то особенное в ее огромных серых глазах, которые на секунду встретились с его глазами, прежде чем она потупила взор и уставилась на руки, сцепленные в замок на коленях.

– Насколько я понимаю, вы ближайшая родственница мисс Бодем. Должно быть, для вас это страшное потрясение.

– Да. О да, просто ужасное! Энид была моей кузиной.

– У вас одинаковые фамилии. Ваши отцы были братьями?

– Да, были. И еще наши матери были сестрами. Два брата женились на двух сестрах, так что мы были с ней действительно близкими родственницами.

– У нее не осталось других родственников?

– Только мама и я.

– Мне придется поговорить с юристом мисс Бодем, я полагаю, – сказал Дэлглиш. – Но вы бы мне очень помогли, если бы рассказали все, что знаете о ее жизни. Боюсь, мне придется задать вам личные вопросы. Как правило, они не имеют отношения к преступлению, но всегда лучше знать как можно больше о каждом, кого оно как-то коснулось. Имела ли ваша сестра какой-либо другой источник дохода, помимо работы в клинике?

– Да. Энид была довольно хорошо обеспечена. Дядя Сидни оставил ее матери около двадцати пяти тысяч фунтов, и все это перешло Энид. Я не знаю, какая сумма осталась от этих денег, но, думаю, кузина получала около тысячи фунтов в год, помимо своей зарплаты здесь. Она продолжала жить в квартире тетушки в Баллантайн-мэншнз, и она... она всегда была очень добра к нам.

– В каком смысле, мисс Бодем? Она давала вам деньги?

– О нет! Этого Энид никогда бы не сделала. Она дарила нам подарки. Тридцать фунтов на Рождество и пятьдесят на летний отдых. У мамы рассеянный склероз, и мы не могли ездить в обычную гостиницу.

– И что же произойдет с деньгами мисс Бодем сейчас?

Она подняла свои серые глаза и посмотрела на него без тени смущения. Потом просто ответила:

– Они перейдут к нам с мамой. Ведь Энид больше никому было их оставить. Кузина всегда говорила, что деньги достанутся нам, если она умрет первой. Но конечно, было маловероятно, что она может умереть первой, во всяком случае, раньше мамы.

И в самом деле было маловероятно, что при естественном развитии событий миссис Бодем могла бы унаследовать двадцать пять тысяч фунтов или то, что от них осталось, подумал Дэлглиш. Вот наиболее очевидный мотив, столь понятный, столь удобный, столь любимый всеми государственными обвинителями. Каждый присяжный мог понять, какой соблазн таят в себе деньги. Неужели сестра Бодем не осознавала, насколько существенна информация, которой она делилась с ним непринужденно и откровенно? Неужели невинность могла быть столь наивной или вина столь самонадеянной?

Совершенно неожиданно он спросил:

– Ваша кузина была популярна, мисс Бодем?

– У Энид было мало друзей. Не помню, чтобы она когда-либо говорила, что у нее широкий круг общения. Она бы этого не хотела. У нее была активная церковная

жизнь, а еще и гайды[11 - Герл-гайды – организация девушек и женщин, аналогичная движению бойскаутов.]. Она, правда, была очень тихим человеком.

- Но ни о каких ее недоброжелателях вам неизвестно?

- О нет! Не было никаких недоброжелателей. Энид все уважали.

Это она произнесла еле слышно. Дэлглиш сказал:

- Тогда складывается впечатление, что это было непредумышленное и ничем не мотивированное убийство. Логично предположить, что его совершил кто-то из пациентов. Но такое маловероятно, да и все вы настаиваете на этом.

- Нет! Это не мог быть кто-то из пациентов! Я уверена, ни один из них не способен совершить такое. У них нет склонности к насилию.

- И даже у мистера Типпета?

- Но это не мог быть мистер Типпет. Он в больнице.

- Мне так и сказали. Сколько сотрудников клиники знали о том, что мистер Типпет не придет сюда в эту пятницу?

- Не могу сказать. Нейгл знал, потому что ответил на звонок, а потом сообщил обо всем Энид и старшей сестре. Старшая сестра сказала мне. Понимаете, я обычно стараюсь присматривать за Типпетом, когда работаю с пациентами отделения ЛСД-терапии по пятницам. Конечно, я не могу оставить пациента больше чем на секунду, но периодически выглядываю за дверь, чтобы проверить, все ли в порядке с Типпетом. Сегодня в этом не было необходимости. Бедный Типпет, он так любит творческую терапию! Миссис Баумгартен на больничном уже шесть месяцев, но мы не могли помешать Типпету приходить сюда. Он и мухи не обидит. Подло предполагать, что Типпет может иметь отношение к убийству. Подло! - В ее голосе появились нотки гнева. Дэлглиш сказал как можно мягче:

- Но никто ничего такого не предполагает. Если Типпет в больнице, а я нисколько не сомневаюсь, что это подтвердится, то он просто не мог оказаться

здесь.

– Но кто-то же положил вырезанную им фигурку на тело! Если бы Типпет находился здесь, подозрение сразу пало бы на него, и он был бы страшно смущен и расстроен. Подло было так поступать. Действительно подло! – Она замолчала, едва сдерживая подступившие слезы.

Дэлглиш заметил, как она нервно сжимает пальцы, держа руки на коленях. Он тихо произнес:

– Думаю, не стоит так беспокоиться о мистере Типпете. Я хотел бы, чтобы вы хорошо подумали и рассказали мне обо всем, что произошло в клинике с того момента, как вы заступили на дежурство сегодня вечером. Не важно, что происходило с другими, меня интересует только то, что делали вы.

Сестра Бодем ясно помнила все, что делала, и, поколебавшись лишь одно мгновение, изложила подробно и последовательно, что происходило с ней вечером.

Обычно по вечерам в пятницу ее обязанности состояли в том, чтобы «курировать» любого пациента, проходящего лечение лизергиновой кислотой. Она объяснила, что это метод избавления от глубоко укоренившихся комплексов, состоящий в том, чтобы пациент смог вспомнить и рассказать о проблемах, которые подавлялись в его подсознании и стали причиной его болезни. Когда сестра Бодем заговорила о лечении, ее нервозность исчезла, и она, казалось, забыла о том, что разговаривает с человеком, далеким от психиатрии. Дэлглиш не перебивал ее.

– Это удивительное лекарство, и доктор Бейгли часто его использует. Оно называется диэтиламид лизергиновой кислоты, и, по-моему, его открыл какой-то немец в 1942 году. Мы даем препарат пациентам для приема внутрь, обычная доза составляет двадцать пять сотых миллиграмма. Его выпускают в ампулах по одному миллиграмму, он смешивается с дистиллированной водой в количестве от пятнадцати до тридцати кубиков. Пациентам рекомендуется не завтракать в день лечения. Первичный эффект после применения заметен уже через полчаса, более острые субъективные реакции наблюдаются в промежуток от одного до полутора часов после приема. Именно тогда доктор Бейгли и спускается вниз, чтобы наблюдать за пациентом. Действие препарата может длиться до четырех

часов, и все это время пациент возбужден, беспокоен и практически лишен связи с реальностью. Разумеется, пациенты никогда не остаются без присмотра, и полуподвальным кабинетом мы пользуемся потому, что это уединенное и тихое место, где шум не беспокоит никого. Как правило, мы проводим ЛСД-терапию по пятницам – днем и вечером, и я всегда «курирую» пациента.

– Полагаю, если по пятницам в полуподвале слышался какой-то шум, например, крики, то большинство сотрудников думали, что всему виной пациенты отделения ЛСД-терапии?

На лице мисс Бодем отразилось сомнение.

– Наверное, это возможно. Конечно, такие пациенты могут быть очень шумными. Сегодня, например, моя пациентка была возбуждена больше, чем обычно, вот почему я постоянно находилась при ней. Обычно, как только самое трудное для пациента остается позади, я на какое-то время удаляюсь в комнату, примыкающую к кабинету, и сортирую постиранное белье. Конечно, я оставляю дверь между помещениями открытой, чтобы следить за пациентом.

Дэдлиш поинтересовался, что именно произошло в течение вечера.

– Значит, так. Лечение началось сразу после трех тридцати, и доктор Бейгли на минутку заглянул в кабинет после четырех, чтобы проверить, все ли нормально. Я оставалась с пациенткой до четырех тридцати, когда пришла миссис Шортхаус и сказала, что чай готов. Старшая сестра спустилась вниз, а я пошла наверх в комнату медсестер и выпила чаю. Сюда я вернулась без четверти пять и в пять позвонила доктору Бейгли. Он пробыл с пациенткой примерно три четверти часа. Потом он ушел, чтобы продолжать прием пациентов отделения ЭШТ. Я осталась с пациенткой. Она была такой беспокойной, что я решила не заниматься бельем до позднего вечера. Примерно без двадцати семь в дверь постучал Питер Нейгл и попросил дать ему белье. Я сказала, что оно еще не рассортировано, он, похоже, немного удивился, но ничего не ответил. Через некоторое время мне показалось, что я услышала крик. Сначала я не обратила на это внимания, так как звук донесся издали и я предположила, что это просто дети играют на площади. Потом я подумала, надо все-таки проверить, не случилось ли что-нибудь, и пошла к двери. Тогда я увидела, как доктор Бейгли и доктор Штайнер со старшей сестрой и доктором Ингрэм спускаются в полуподвал. Старшая сестра сказала мне, что ничего не произошло, и велела вернуться к пациенту. Я так и сделала.

– Вы ни разу не отлучались из кабинета, после того как доктор Бейгли покинул вас где-то без четверти шесть?

– Нет! В этом не было необходимости. Если бы мне надо было посетить туалет или что-то вроде этого, – сестра Бодем слегка покраснела, – то я бы позвонила старшей сестре и попросила подменить меня.

– Вы вообще не звонили из кабинета на протяжении вечера?

– Я звонила только в кабинет ЭШТ в пять часов, чтобы позвать доктора Бейгли.

– Вы точно уверены, что не звонили мисс Бодем?

– Энид? Нет! У меня не было никаких причин связываться с Энид. Она... понимаете, мы мало общаемся в клинике. Как видите, я подчиняюсь старшей сестре Эмброуз, а Энид не отвечала за младший медперсонал.

– Но вы часто встречались за пределами клиники?

– Нет, я не это имела в виду. Я была у кузины дома раз или два, чтобы забрать чек на Рождество и еще летом, но мне всегда сложно оставить маму. Кроме того, у Энид была своя жизнь. И потом, она ведь намного старше меня. Я не очень хорошо ее знала... – Ее речь оборвалась, и Дэлглиш увидел, что она плачет. Пытаясь нащупать под фартуком, в кармане халата, носовой платок, она всхлипнула: – Это так ужасно! Бедная Энид! Еще положить на нее этого идола, чтобы посмеяться над ней и придать ей такой вид, будто она убаюкивает младенца!

Дэлглиш полагал, что сестра Мэрион Бодем не видела тело, о чем и сказал ей.

– Я действительно его не видела! Доктор Этридж и старшая сестра не пустили меня к ней. Но всем нам сообщили, что случилось.

Мисс Бодем и в самом деле выглядела так, будто убаюкивает младенца. Но Дэлглиша удивило то, что это сказал человек, не видевший тела. Должно быть, главный врач очень наглядно описал представшее перед ним зрелище.

Сестра Бодем наконец нашла платок и достала его из кармана. Вместе с ним она вытащила пару тонких хирургических перчаток. Они упали к ногам Дэлглиша. Подобрал их, он спросил:

– Я думал, вы тут не пользуетесь хирургическими перчатками.

Казалось, столь неожиданный интерес с его стороны несколько не удивил сестру Бодем. С поразительным самообладанием сдерживая рыдания, она ответила:

– Мы используем их не так уж часто, но всегда держим про запас несколько пар. В клинике давно перешли на одноразовые перчатки, но несколько пар старого образца у нас осталось. Это одна из них. Мы используем их при уборке от случая к случаю.

– Спасибо, – поблагодарил ее Дэлглиш. – Я оставляю эту пару себе, если вы не против. И я думаю, что сегодня мне больше не придется вас беспокоить.

Сестра Бодем пробормотала что-то неразборчивое, вполне вероятно, это было «спасибо» и, почти пятась, вышла из комнаты.

Для медперсонала, ожидавшего в кабинете на первом этаже своей очереди ответить на вопросы Дэлглиша, время тянулось бесконечно медленно. Фредерика Саксон принесла какие-то бумаги из своего кабинета на третьем этаже и решала тест по определению уровня интеллекта. Этому предшествовали бурные дискуссии по поводу того, стоит ли ей идти наверх одной, но мисс Саксон решительно заявила, что не собирается терять время, сидя здесь и грызя ногти, до тех пор пока полиция не соизволит вызвать ее в кабинет, и что не прячет убийцу где-нибудь наверху, и что не намеревается уничтожить улики, и что несколько не возражает, если любой из коллег пожелает пойти с ней и во всем этом удостовериться. В ответ на столь ужасающую прямолинейность послышалось как возмущенное, так и одобрительное бормотание, но миссис Босток вдруг объявила, что хотела бы захватить книгу из медицинской библиотеки, и обе женщины вышли из комнаты и вместе вернулись. Калли недолго покрутился поблизости, стремясь получить статус больного, и в конце концов его отпустили домой лечить живот. Единственной пациенткой, оставшейся в клинике, была миссис Кинг, которой

задали несколько вопросов и позволили удалиться в сопровождении ожидавшего ее супруга. Мистер Бердж также покинул клинику, громко выражая возмущение по поводу раннего окончания приема и душевной травмы, нанесенной ему всеми этими событиями.

– Знаете, он получает от этого удовольствие, это же видно, – доверительно сообщала миссис Шортхаус собравшимся в кабинете сотрудникам. – Следователю с трудом удалось отправить его восвояси, я вам говорю.

Казалось, миссис Шортхаус может много чего еще им рассказать. Она получила разрешение делать кофе и сэндвичи в маленькой кухне на первом этаже в задней части здания, благодаря чему у нее появился предлог постоянно сновать туда и обратно по коридору. Сэндвичи приносились практически по одному. Чашки забирались для мытья строго по отдельности. Это хождение туда-сюда давало ей возможность передавать самые свежие новости с места развития событий остальным сотрудникам, которые всякий раз ожидали ее с плохо скрываемым волнением и тревогой. Миссис Шортхаус явно не была тем эмиссаром, которого они избрали бы по собственной воле, но сейчас любая информация, кто бы ее ни добыл и ни рассказал, помогала справиться с бременем неизвестности, а миссис Шортхаус, конечно, оказалась весьма компетентной в полицейском делопроизводстве.

– Несколько полицейских сейчас обыскивают здание, и одного своего человека они поставили у двери. Само собой, они никого не нашли. Что ж, этому есть разумное объяснение! Мы знаем, что он не мог выбраться из здания. Или попасть внутрь, если уж на то пошло. Я сказала сержанту: «Сегодня я уже убрала всю клинику, как положено, так что скажите ребятам, чтобы не топтали здесь своими ботинками...» Сейчас расскажу кое-что странное. Ищут отпечатки в полуподвальном лифте. И еще замеряют его.

Фредерика Саксон подняла голову, словно желая что-то сказать, но промолчала и вернулась к своему занятию. Полуподвальный лифт площадью около четырех квадратных футов, управляемый канатным шкивом, использовался для транспортировки пищи из полуподвальной кухни в столовую на втором этаже, когда клиника еще была частным домом. Лифт так и не демонтировали. Иногда с его помощью медицинская документация доставлялась из полуподвального архива в кабинеты на втором и третьем этажах, но большую часть времени он стоял без дела. Никто не комментировал возможных причин, по которым полиция решила проверить лифт на отпечатки.

Миссис Шортхаус унесла две чашки, чтобы помыть. Через пять минут она вернулась.

– Мистер Лодер в общем кабинете, звонит председателю, чтобы рассказать об убийстве, я полагаю. В комитете по управлению лечебными учреждениями теперь будет о чем посудачить, это уж точно. Старшая сестра с одним полицейским проверяет по списку наличие всего белья и одежды. Похоже, пропал холщовый фартук из отделения творческой терапии. Ах да, еще кое-что. Выключают отопление. Хотят и котельную прочесать, как я полагаю. Очень мило со стороны полиции, должна сказать. Здесь будет чертовски холодно в понедельник.

И еще приехал похоронный автобус. «Скорую помощь» не вызывают, сами понимаете, ведь жертва мертва. Вероятно, вы слышали, как он приехал. Думаю, если немного раздвинуть занавески, то можно будет увидеть, как ее заносят внутрь.

Однако никому не хотелось отодвигать занавески, и когда за дверью послышались тихие, осторожные шаги носильщиков, никто не проронил ни слова. Фредерика Саксон отложила карандаш и склонила голову, словно читая молитву. Когда парадная дверь закрылась, по комнате тихим свистом разнесся вздох облегчения. На мгновение воцарилась тишина, и автобус уехал. Миссис Шортхаус была единственной, кто заговорил:

– Несчастливая бедняжка! Знаете, я была уверена, что она продержится здесь максимум еще полгода. Как бы там ни было, никогда не думала, что она умрет раньше.

Дженнифер Придди сидела в стороне от остальных на краю кушетки для пациентов. Ее беседа со следователем оказалась неожиданно легкой. Правда, она сама толком не понимала, чего ожидала, но уж точно не встречи с таким мягким, тактичным человеком с приятным голосом. Он не повторял раз за разом слова сочувствия по поводу потрясения, которое она испытала, обнаружив тело. Он не улыбался ей. Не пытался держаться покровительственно или изображать понимание. Глядя на него, она думала, что он заинтересован лишь в том, чтобы как можно быстрее установить истину, и ожидал этого от остальных. Она поняла, что будет трудно солгать ему, и даже не пыталась сделать это. Было несложно вспомнить обо всем, что случилось. Суперинтендант подробно

расспросил ее о минутах, что она провела в подвале с Питером. Этого следовало ожидать. Естественно, полицейский задумывался, не мог ли Питер убить мисс Бодем после того, как вернулся после отправки почты, и до того, как она присоединилась к нему. Что ж, это было невозможно. Она спустилась вслед за ним почти сразу же, и мисс Шортхаус могла это подтвердить. Вероятно, злоумышленнику не потребовалось много времени, чтобы убить Энид – она попыталась отогнать прочь мысли об этом непредсказуемом, зверском, просчитанном акте насилия, – но как бы быстро все ни произошло, Питер не успел бы этого сделать.

Мисс Придди подумала о Питере. За размышлениями о нем проходила большая часть тех редких часов, что она проводила в уединении. Сегодня, однако, привычные милые грезы подернулись беспокойством. Рассердится ли он из-за того, что она так себя повела? Она со стыдом вспомнила, как издала жуткий крик через пару секунд после обнаружения тела и бросилась в объятия Питера. Разумеется, он отнесся к ней с добротой, проявил заботу, но он ведь всегда был добр и заботлив, когда не работал, и помнил о том, что она находится рядом. Она знала, что Питер ненавидит суету, а любое проявление любви его раздражает. Мисс Придди уже давно научилась мириться с тем, что их любовь – а она не сомневалась, что это любовь, – нужно принимать на его условиях. После нескольких минут, что они провели вместе в комнате медсестер, когда обнаружили тело мисс Бодем, она перемолвилась с ним всего парой слов. Она терялась в догадках, не зная, что он чувствует сейчас. Дженнифер была уверена только в одном: она не сможет позировать ему сегодня вечером. И дело было даже не в том, что она испытывала стыд или чувство вины: Питер давно излечил ее от этих тяжелых недугов, которые обычно идут рука об руку. Он, естественно, ожидает, что она придет в его маленькую квартирку, как они и договорились. В конце концов, у нее есть надежное алиби, а ее родители, несомненно, поверят в то, что она задержалась на вечерних занятиях. Питер не увидит веских причин, по которым они должны менять планы. Но она не могла согласиться на встречу! Не сегодня! И больше всего ее пугало даже не позирование, а то, что за этим последует. Она не сможет отвергнуть его. Она не захочет его отвергать. А сегодня, когда умерла Энид, она чувствовала, что не вынесет прикосновения к своему телу.

Когда она вернулась в общий кабинет после беседы со следователем, к ней подсел доктор Штайнер и проявил доброту и участие. Доктор Штайнер всегда был добрым. Было легко критиковать его за бездействие и смеяться над его странными пациентами, но он действительно переживал за людей, в то время как доктор Бейгли, который так много работал и изматывал себя бесконечными

приемами, на самом деле людей не любил, а только хотел этому научиться. Дженни сама толком не понимала, почему была в этом уверена. Ведь раньше она никогда об этом не думала. Сегодня вечером, однако, когда первый шок после обнаружения тела прошел, ее мысли были неестественно ясными. И не только мысли. Все ее ощущения странным образом обострились. Осязаемые предметы вокруг нее: ситец, покрывающий кушетку, красное одеяло, сложенное у ее изножья, разнообразные насыщенные оттенки зеленого и золотого, которыми переливались хризантемы на письменном столе, – все казалось ей более четким, ярким и более реальным, чем обычно. Она видела, как изогнулась рука мисс Саксон, которую та положила на стол и обвила вокруг книги, и как поблескивают маленькие волоски на ее предплечье в свете настольной лампы. Дженнифер стало интересно, всегда ли Питер видит бурлящую вокруг него жизнь с такой удивительной отчетливостью, так, будто ты только что родился в незнакомом мире, который еще пестрит чистыми яркими красками дней сотворения. Наверное, именно так воспринимает окружающее художник.

«Наверное, это влияние бренди», – подумала Дженнифер и рассмеялась. Тут она вспомнила, как полчаса назад услышала недовольное бормотание старшей сестры Эмброуз: «Чем этот Нейгл напоил Придди? Бедная девчушка почти пьяна». Но она не была пьяна и на самом деле слабо верила в то, что виной такому настроению было именно бренди.

Доктор Штайнер придвинул стул ближе к ней и на одно мгновение положил руку ей на плечо. Без долгих размышлений мисс Придди сказала:

– Она была добра ко мне, а я ее не любила.

Она уже не испытывала ни сожаления, ни чувства вины по поводу случившегося. Это была лишь констатация факта.

– Вы не должны об этом беспокоиться, – мягко сказал он и погладил ее по колену.

Она не возражала против поглаживания. Питер сказал бы: «Похотливый старый козел! Скажи, чтобы убрал свои лапы». Однако Питер был бы не прав. Дженни знала, что поступок – проявление доброты. В какой-то момент ей захотелось склонить голову к его голове, чтобы дать ему знать – она все понимает. У него были маленькие и удивительно чистые для мужчины руки, совсем не такие, как

руки Питера с длинными, костлявыми пальцами, заляпанными краской. Она заметила, как курчавые волосы выбиваются из-под манжет рубашки доктора, увидела черную поросль на запястье. На мизинце у Штайнера была золотая печатка, тяжелая, как кастет.

– Ваши чувства вполне естественны, – произнес он. – Когда кто-то умирает, мы всегда думаем, что могли бы быть добрее к этому человеку и лучше к нему относиться. С этим ничего не поделаешь. Не следует притворяться, когда речь идет о чувствах. Если мы сможем их понять, то со временем научимся принимать их и жить с ними.

Но Дженнифер Придди уже его не слушала, потому что дверь тихо открылась и в комнату вошел Питер Нейгл.

Заскучав на стойке дежурных и устав от обмена банальными фразами с необщительным полицейским, которого там оставили, Нейгл решил сменить обстановку и отправился в общий кабинет. Хотя формально его уже опросили, ему еще не позволили покинуть клинику. Секретарь Лодер явно ожидал, что он останется здесь до тех пор, пока здание можно будет запереть на ночь, а в понедельник утром вновь появится, чтобы открыть его. Судя по тому, как развивались события, можно было заключить, что ему придется проторчать в клинике по крайней мере еще пару часов. А ведь утром он планировал пораньше вернуться домой и поработать над картиной. Теперь не было никакого смысла думать об этом. Возможно, уже перевалит за полночь, когда все как-то разрешится и ему позволят уйти. Но даже если они с Дженни смогут поехать вместе в Пимлико, она не будет позировать ему сегодня вечером. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы догадаться об этом. Она не устремилась к нему, когда он вошел в помещение, и он был благодарен ей хотя бы за эту сдержанность. Однако она бросила на него свой застенчивый, неопределенный взгляд, не то заговорщический, не то полный мольбы. Так она просила его о понимании и выражала сожаление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Лизергиновая кислота – органическая кислота, производным которой является ЛСД, обладает сильным галлюциногенным действием, применяется при лечении некоторых психических заболеваний, после Второй мировой войны повсеместно использовалась в Европе в качестве лекарственного средства. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Джеймс Уайат – английский архитектор XVIII – нач. XIX в., создававший творения в неоготическом стиле.

3

Помощник комиссара – третья по важности должность в Скотленд-Ярде после комиссара и заместителя комиссара.

4

Имеются в виду «конюшенные дома», где прежде располагались настоящие конюшни. Раньше в Лондоне в центре кварталов, где жили богатые люди, располагались дома владельцев, а поодаль конюшни и подсобные помещения, где проживали слуги и лакеи. К началу XX века конюшни потеряли свое

первоначальное предназначение, многие из них были переделаны в жилые дома и даже стали элитным жильем, так как располагались в фешенебельных районах.

5

Роберт Адам – английский архитектор. Крупнейший представитель английского классицизма XVIII в.

6

Издательство ее величества – правительственное издательство в Лондоне, выпускает официальные издания, снабжает государственные учреждения канцелярскими принадлежностями. Основано в 1786 г.

7

Под Актом 1946 года имеется в виду акт учреждения Национальной службы здравоохранения, который вступил в силу 5 июля 1948 г., что стало фактической датой образования НСЗ. До учреждения НСЗ медицина в Великобритании была платной. Клиники существовали главным образом за счет пожертвований.

8

В британской системе здравоохранения зарплата сотрудникам медицинских учреждений выплачивается исходя из присвоенной им степени. Каждой степени соответствует определенная буква, в настоящее время степеней девять, причем

с каждой последующей буквой уровень заработной платы и требования к сотруднику повышаются.

9

Имеется в виду доклад Ноэля Холла по структуре классификации административных и канцелярских служащих в учреждениях здравоохранения, изданный в 1958 г.

10

ЮЗ-8 – юго-западный почтовый округ Лондона (включает южный Ламбет и Воксхолл). Всего в Лондоне 8 основных почтовых округов, каждый обозначается в соответствии с географическим положением.

11

Герл-гайды – организация девушек и женщин, аналогичная движению бойскаутов.

Купить: https://tellnovel.com/dzheyms_fillis-doroti/izoschrennoe-ubiystvo

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)